

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

ПО КЛИЧКЕ
РЕЙНДЖЕР

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев

По кличке Рейнджер

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

По кличке Рейнджер / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2018 — (Спецназ. Офицеры)

ISBN 978-5-04-093228-3

Спецназовец – человек свободный: куда пошлют, туда он и захочет... Шутки шутками, а задания бойцам спецназа приходится выполнять совсем не шуточные. Вот и Влада Абросимова направили в самое логово врага. Действуй, мол, парень, по обстоятельствам, а мы в случае чего поможем. Влад знает – спецназ своих не бросает, но создавать проблемы для боевых товарищей не хочется, и он действует как и положено – смело, дерзко и решительно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093228-3

© Зверев С. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Зверев

По кличке Рейнджер

© Зверев С., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

– Стартуем, – прошептал Медведь и нажал на кнопку.

Жахнул взрыв, ударил по барабанным перепонкам. Грохот гулко прокатился по ущелью, отражаясь от черных, с белыми проплешинами снега скал.

Внешне ничего особенного – не было голливудских эффектов, поднимающихся клубов дыма и рокочущего пламени. Просто сотряслась почва, выплеснулся огонь и расцвел пыльный дымный цветок. Но эффект был смертельный – осколки радиомины рассекали воздух и тела.

С тщательно выбранной огневой точки Влад отлично видел всю картину. Извилистая, тянущаяся вдоль пропасти горная дорога. Валуны и обломки скал – некоторые могут служить укрытием, но вместе с тем в них легко замаскировать противопехотные мины. И караван внизу – лошади, груженные тюками, моджахеды в халатах, увешанные оружием. И черное крыло смерти, которая рванулась вниз с горного склона, жалящего огнем замаскированных огневых точек.

Две лошади и три человека рухнули, сметенные взрывом. Остальные моджахеды, ученые и опытные, тут же попытались рассредоточиться. Ухнул второй взрыв. Посыпалась каменная крошка. Вслед за грохотом понеслись над скалами вопли боли и отчаяния.

Запели пули. И заработали автоматы. Огни моджахедских трассеров прочертили вечернее небо. Рывкнули две «Мухи».

В засаде не зевают. Главное огневое поражение противнику наносится в первые секунды, когда тот еще не понял, что происходит, не успел занять выгодные позиции, схорониться, засечь огневые точки и пристреляться.

– Прими посылку. – Влад выжал спусковой крючок, снайперская винтовка дернулась в его руке. Фигура в восточном халате дрогнула и выронила пулемет Калашникова. Цель отработана. Следующий...

Все распределено, рассчитано. Маскировочный комплект фактически сравнял бойцов-десантников с местностью. Беспламенное, бесшумное оружие превращало их в ангелов мщения, сеющих смерть. Оборонявшиеся не могли засечь, откуда в них били, и в ответ поливали наугад горы свинцом – бестолково и беспорядочно.

Оборудована засада была с толком. Основные, запасные огневые точки, маскировка. Медведь был признанным мастером. Каждый десантник имел свою цель, свой порядок действий. Свой сектор обстрела. Оставалось только отработать качественно.

Влад поймал в прицел «винтореза» еще одну фигуру: бородач, приближенный оптикой, пробежал и попытался спрятаться за трупом лошади – это как взрослому человеку спрятаться в коробке из-под телевизора, все равно ноги торчать будут. При этом бородач кричал гортанно, отдавая приказания. Ясно, командир!

Пуля снесла его. Аккуратно. Ювелирно. С расчетом, чтобы человек выжил. Должен выжить, сволочь!

Это была не война. Это был тир. Внезапность, огневой напор, выгодные огневые позиции – и за считанные секунды больше трех десятков опытных, закаленных в бесконечной войне моджахедов были уничтожены. Они расслабились. Посчитали, что идут по своей, родной территории, контролирующейся движением «Талибан». И просчитались. На войне нельзя быть уверенным ни в чем...

– Алла акбар! – заорал последний из оставшихся, поливая склоны из ручного пулемета – щедро, не жалея патронов, понимая, что они ему больше не понадобятся.

Казак расчетливо всадил ему пулю в грудь...

Все, караван закрыт!

Медведь подал сигнал, и десантники двойками – один впереди, другой страхует, – держа на мушке распластанные тела, двинулись вниз по склону. Из-под тяжелых десантных ботинок сыпались мелкие камешки.

Влад заметил шевеление и впарил в дернувшееся тело пулю. Заповедь – не забывай сделать контрольный выстрел.

Контрольные выстрелы прозвучали еще несколько раз. На каменистой дороге распластанные, разорванные взрывами тела людей и лошадей. Ошметки мяса. Кровь. Пороховой дым. Гарь. Разбросанное оружие. Стреляные гильзы. Поле боя!

Влад осторожно приблизился к главарю. Раненный в плечо, контуженный, тот зашевелился за лошадью, пытаясь выдернуть гранату. Влад кинулся, сжал руку с гранатой.

Главарь взревел, но Влад вышиб из него сознание, ударив ладонью – сильно, но аккуратно. Кровь натекла. Рука скользила.

Аккуратно разжал пальцы. Сделал знак. Бойцы кинулись в укрытия. Вытащил гранату – это была «эфка». Рванет – на сто метров никому мало не покажется.

Бросил в сторону обрыва и упал.

Ухнуло...

Влад поднялся. Все, больше опасности нет. Пленный без сознания. Но на всякий случай надо связать ему руки веревкой.

Все зачищено – подал Влад знак. И огляделся.

Вот оно! То, что искали! Иссеченные осколками мешки, из них струйкой сыпался, смешиваясь с пылью, белый порошок.

– Как обещано – три сотни кило, – прикинул Медведь, спускаясь со склона...

Караван ждали второй день. Он должен был прийти еще вчера. Источник, скинувший информацию, ни разу не ошибался. Но вчера не пришли. Задержались на день.

У моджахедов все было просчитано. Пограницы должны были пропустить груз на ту сторону. Купленный командир заставы обещал окно. Дальше груз был бы на автомобильных камерах, как на надувных лодках, переправлен через реку Пяндж. Перекинут соратникам в один из аулов. А дальше начал бы свое движение в сторону России. Потянулись бы на самолетах и по «железке» десятки нищих, доведенных до отчаяния своим бедственным положением таджикских курьеров – за две сотни долларов за рейс они готовы рисковать жизнью и свободой. Проглоченные пакеты, тайники с двойным дном – это уже детали. Главное, сотни килограммов заразы хлынули бы на российские улицы и собрали бы свой губительный урожай.

– Взвешивать не будем, – усмехнулся подполковник Хорунжий – инициатор операции, сотрудник Управления внешней разведки России. С ним десантная группа ходила на дело уже второй раз. И все в масть!

– Перевяжи, – кивнул Казаку Медведь.

Тот сделал перевязку, воткнул иглу шприца в предплечье бородатому пленнику, выглядящему лет на пятьдесят, но наверняка моложе – горы старят быстро. Моджахед очнулся, попытался укунить десантника, а потом взвыл по-волчьи.

– Алла акбар! – Глаза его остекленели, в них появилась какая-то отрешенность от всего земного. Потом они наполнились ненавистью, и он на очень корявом, но все-таки русском языке прокаркал: – Убей меня!

– Это успеется, – недобро заметил Казак.

Возможно, его и убьют. После того, как выдадут все, что он знает. Но об этом уж пусть голова болит у внешней разведки. Это их трофей.

Отрабатывать караван пришлось в тяжелых условиях. Перехват на таджикской территории был нереален – окно держали пограницы. Поэтому командир разведывательно-диверсионной группы Медведь принял нестандартное решение – нырнуть на территорию Афгана. Благо ребята его знали местность как свои пять пальцев. Хаживали не раз.

Окопались, выбрали место. А после этого самая тоскливая часть работы – ожидание... Триста кило героина! И пленный. Хороший улов.

– Все подчищаем и уходим, – приказал Медведь.

Мешочки с героином свалили в кучу. Порошок, подхваченный ветром, разлетался в разные стороны, как пурга, смешивался со снегом.

– Ну-ка! Гуляй, рванина! «Лимон» не деньги!

С этими словами Казак, отойдя на почтительное расстояние, всадил в сложенную кучу заряд из огнемета «Шмель».

Вакуумный взрыв. Огненный шар. И остатки неспаленного порошка, повисшие в воздухе.

Героин здесь, на таджикско-афганской границе, стоит меньше доллара. В Москве оптовая цена – полтинник «зелени» за грамм. Итого – пятнадцать «лимонов». А если разбавить и пустить в розницу – в два-три раза больше.

Такое количество денег сознанием охватить офицеру, у которого зарплата бывает через раз, тяжело. Не охватывается это сознанием. Да и не нужны поганые кровавые деньги настоящему русскому офицеру. А в офицерской десантной разведывательно-диверсионной группе вояки были настоящие. Без подделки и фальши. Иные не приживались.

Подполковник Хорунжий посмотрел на огонь и произнес с какой-то вовсе не присущей моменту задумчивостью:

– Наркота. Героин. Это кровь, которая струится по жилам прогнившего мира. За их счет финансируются незаконные секретные операции. Совершаются государственные перевороты. Тлеют горячие точки.

– Сатанинское зелье, – кивнул Влад. – Черти его варят.

– Однажды появится такое, от чего мир вздрогнет. И мы будем вспоминать эти тюки с героином с ностальгией. Нам будет казаться, что это детское питание, – добавил Хорунжий.

– Да ладно страху нагонять, – встрял Медведь.

Его волновали конкретные заботы – как доставить языка и уйти без проблем. А потом – Подмоскovie. Расположение полка спецназа ВДВ. Боевая работа... И дальше – где вспыхнет очередной пожар.

Влад с неожиданной настороженностью посмотрел на Хорунжего. Тот завороченно уставился на горящие миллионы долларов, огонь плясал искорками в его глазах. А еще в его взоре было нечто странное, неприятное... Алчное.

Уже позже Влад не раз вспоминал тот день. «Мы будем вспоминать тюки с героином с ностальгией...» Кто бы мог тогда подумать, что слова эти окажутся пророческими. И что Влад с Медведем через несколько лет окажутся на острие удара.

Часть первая

КАК ПОПАСТЬ К ЧЕРТУ В ПАСТЬ

Человек наступил на какую-то вязкую грязь. Надо же, новенькие австрийские туфли – и по дерьму в них ходить! Лучше бы резиновые сапоги-мокроступы надел.

Ничего. Зато место хорошее. Отличное место для подобных randevu. До окраины Болотникова рукой подать, но в радиусе видимости ни одной души, кроме крыс, котов и ворон.

Он огляделся. Перед ним стояло длинное полуразрушенное одноэтажное строение. Когда-то это была фабричка – то ли валенки валяли, то ли дурака. Закрыли ее в начале застоя, да так с тех пор и не собрались сровнять развалины с землей. Стены крепкие, толстые, до революции возведенные, с ними ничего не делалось. Все, что можно отсюда растащить, давно растащено. И здесь поселились дух тлена и потусторонний холодок, свойственные заброшенным строениям.

Он поправил на груди легкую серую кожаную куртку, подровнял черную кожаную кепку, насивистывая, перепрыгнул через кучу земли перед входом. Прошел внутрь. Вдохнул пыльный воздух, закашлялся. Перелез через рухнувшую перегородку. Споткнулся об истлевшую деревянную балку. Чертыхнулся.

Клиент удивился, когда ему назначили встречу в этом месте. Но потом понял: лучше, если их не увидят вместе. Это вопрос жизни и смерти. А может, еще какая-то мысль, скорее всего дурная, пришла ему в голову?

«Кожаный» сжал крепче в руке серебристый «дипломат».

– Кыш, зараза, – прикрикнул он на мелькнувшую серой молнией толстую крысу. – Чем они только тут питаются?

Он прошел в относительно чистую комнатенку. В окно, от которого остались рама и чудом сохранившиеся стеклянные осколки, светило ласковое майское солнце. А продырявленная крыша синела пятнами неба.

В помещении сохранились расшатанная табуретка, трехногий стол. В углу валялся мусор.

– Ох, мать вашу, – послышался знакомый голос.

Пожаловал клиент – широкоплечий парень лет двадцати пяти со стрижкой ежиком. Опоздал он на семь минут. Все чего-то вынюхивал, высматривал. Все хочет быть умнее других. Не доверяет. Ну что ж, его право.

– Как прошло, Дюк? – спросил «кожаный».

– Пока не хватились, мать их. – Дюк витиевато выругался.

Ругался он грязно и неинтересно. «Скучное существо, – подумал «кожаный». – Быдло. Предел мечтаний – срубить легкие деньги. Нажраться водки. Натрахаться. И сдохнуть рано или поздно в разборке от пули или пера. Чтобы все сказали – туда ему и дорога».

– Надеюсь.

– Всего-то полчаса прошло. – Дюк переложил из правой руки в левую объемистый портфель и вытер вспотевший лоб рукавом бежевого плаща. – Бабки при тебе? – Одну руку он как бы невзначай сунул в карман.

– Вот. Подъемные. – «Кожаный» поставил на трехногий стол, который угрожающе качнулся, свой «дипломат», со щелчком отпер замки, приоткрыл крышку и вынул толстую пачку долларов.

– Это чего?! – возмутился Дюк. – Это все?

– Часть.

– А остальные? Шутки шутишь?!

«Кожаный» улыбнулся. Он оказался прав – все-таки в кармане у клиента был пистолет, который теперь поблескивал в руке. Пижонский шестнадцатизарядный «глок» – машинка ни то ни се, недалекими фраерами ценится. Но дырявит она вполне справно, особенно с такого расстояния.

– На. – «Кожаный» протянул еще две толстые, перевязанные черными резинками пачки со столларовыми купюрами.

– Не тянет на уговоренное.

– Здесь половина. Остальное на месте получишь.

– Ты чего крутишь-вертишь, жонглер?

– Обеспечиваю себе право на жизнь, – засмеялся «кожаный». – Предусмотрено такое в Конституции.

– За лоха держишь? – недобро прищурился Дюк. Он все не выпускал «глок».

– Не обострай, – отмахнулся «кожаный». – Где твой товар?

– Вот.

Дюк, не выпуская пистолет, повозился с замками, которые зачем-то закрыл на ключ, будто в случае чего это могло бы уберечь товар от любопытствующих. Открыл портфель. Вынул небольшой серебристый контейнер – тоже запертый. Через секунду распахнул его. Там лежал небольшой целлофановый пакет с темно-серым порошком.

– Здесь все? – спросил «кожаный». Глаза его загорелись. Он старался выглядеть беззаботным, но был не в силах обуздать волнение.

– Все. Только получишь половину. Остальное – когда деньги будут.

– Есть деньги, не бойся. Сейчас выпишу. – «Кожаный» вытащил из «дипломата» еще одну пачку.

Дюк со злым ликованием прищурился. И «кожаный» на миг рассмотрел в этих глазах обещание смерти. Палец слегка дрогнул на спусковом крючке «глока».

– Вот, – будто не замечая угрозы, произнес «кожаный», бросая на стол пачку с долларами.

Дюк кинул на нее жадный взгляд.

– И еще... – Человек в кожанке нажал на спусковой крючок взведенного, снятого с предохранителя и готового к бою «ТТ», лежавшего на дне «дипломата».

Пуля пробила тонкую пластмассу и вошла в живот Дюка, который в ответ всхрипнул, удивленно глядя на убийцу. Качнулся. И рухнул на пол.

«Кожаный» подержал в руке «ТТ». Это машинка профессионалов. Отличный бой. Удобно лежит в ладони. Даже жалко расставаться.

Контрольный выстрел. Все, клиент готов...

– Растяпа ты, Дюк. Твоя судьба быть лохом, – произнес «кожаный» с удовлетворением.

Ему сразу стало легко. Он выиграл партию, впрочем, она и не представлялась слишком трудной. Противник попался не особо искушенный. И какая-то струна пела внутри. «Кожаному» нравилось убивать. Будто отлетающие души передавали ему часть своей энергии. А все переживания, муки совести, все эти выдумки про Родиона Раскольникова, которыми всю плешь проели в школе, – это для лохов. Лох на Руси – это как корова. Молоко дает и на мясо в случае необходимости идет. Судьба у него такая – быть доеным и идти на мясо, приносить доход рачительному хозяину. А «кожаный» считал себя именно хозяином жизни, человеком, который сам строит свою судьбу.

Он погладил целлофановый пакет. Подумать только, что золото и платина – просто дешевый металл по сравнению с этим веществом. Немного труда, и оно превратится в серые таблетки – билет в прекрасные миры. «Елочка» – самый совершенный в мире наркотик. Мечта любого, кто готов сжечь свои мозги за час кайфа.

– Арбайтен унд копайтен, – произнес человек.

Действительно, ему предстояла еще работа. Лопата припасена заранее. Нужно так закопать труп, чтобы нашли не скоро.

* * *

Три часа на стареньком, трясущемся «Ту-154» – это про такие летающие примусы говорят по телевизору, когда речь заходит об истощенных ресурсах отечественной авиации.

«Все разваливается, хиреет. Окружающий мир будто покрывает ржавчина... Почему должны нормально летать самолеты в стране, которая, как трухлявое дерево, изъедена жадными термитами всех мастей?» – подумал Медведь. Ему стало грустно от этих мыслей.

Самолет замер на поле. Пассажиры заспешили к двери.

– До свидания. Счастливого обратного полета, – мило попрощался Медведь с симпатичной стюардессой у выхода.

– Заглядывайте еще. – стюардесса улыбнулась ему чуть приветливее, чем положено по инструкции. В ее глазах зажегся интерес к этому человеку. Как ни крути, а двухметровый, атлетически сложенный, с густыми русыми волосами мужчина с первого взгляда вызывает в женщине подсознательное желание покориться ему. Женщине хочется, чтобы вот такой громила взял ее за волосы и оттащил к себе в уютную пещеру, где всегда горит огонь и полно мяса мамонтов.

Стюардесса Медведю понравилась. Поворковать бы пару минут. Взять телефончик. Встретиться. Сводить в ресторан. Как это делается обычно. В любом мужчине тоже подсознательное желание при виде женщины взять ее за волосы и оттащить к себе в пещеру, кинуть на ворох шкур и... Прочь посторонние мысли! Он прилетел в Семиозерск работать. И нечего размякать от женских ножек в мини-юбке.

«Жизнь десантника прекрасна, как стюардесса. Но порою бывает короткой, как ее юбка», – неожиданно вспомнились Медведю слова его первого комбата. И от этого стало как-то тревожно. Не нравилась Медведю эта командировка. Ох, не нравилась...

На летном поле было душно и жарко. Вообще, конец весны – начало лета выдались теплые. Медведь провел рукой по вспотевшей шее.

Такси домчал до города за сорок минут. Таксисты оказались здесь не такие наглые и алчные, как в Москве. И за то спасибо. Деньги у Медведя хоть и немеренные, но не его.

До встречи осталось два часа. Как раз хватит, чтобы перекусить в кафе. Он зашел в уютный подвальчик с многообещающим названием «Приют гурмана». Там было немногочисленно. Томно истекла из динамиков медленная музыка. Подпорхнул заискивающе улыбающийся официант.

– Пожалуйста. – Он протянул увесистую книжечку меню, в которой красовались цветные фото предлагаемых блюд.

В кафе цены тоже далеко отставали от московских. Медведь заказал салат, мясо с грибами в горшочке и пирожные. Страсть к пирожным у него с детства, ничего не мог с собой поделаться. Хорошо еще, бог дал фигуру, которая не обрастает за неделю расслабухи жиром.

– Вино? Коньяк? – осведомился официант.

– Сок есть?

– Вишневый. Черная смородина. Апельсиновый.

– Вишневый.

Медведь любил хорошо, со вкусом поесть. Два часа на безмятежную жизнь. А потом – что сей день готовит? Что такого наговорят через два часа? Возможно, нечто необычное. Экстренная встреча – такое случается нечасто. Тут что-то должно произойти неординарное, если человек пренебрег всеми правилами и напрямую запросил контакта.

Когда Медведь вышел из «Приюта гурмана», оставался почти час. Как раз хватит, чтобы покрутиться по городу. Осмотреть достопримечательности. И убедиться, что вдруг не обрел «хвост».

Вообще-то слежке взяться неоткуда. В Москве, во всяком случае, ее не ощущалось. И здесь непохоже, чтобы она появилась. Но береженого бог бережет. Он отлично знал, что в таких делах, как проведение встреч, никакие предосторожности не бывают излишними. Окажешься невнимательным, пренебрежешь мерами безопасности – спалишь и себя, и всю агентурную сеть.

Оставшийся час Медведь потратил с толком. Он проехался по центру Семиозерска. Сменил два такси. Освоил местный общественный транспорт.

Город как город, обычная русская провинция. Почти миллион жителей. Коптящие небо заводские трубы. Главная площадь с желтыми зданиями с толстыми колоннами – раньше здесь располагались облисполком и обком, а ныне обосновались областная администрация и губернатор. Памятник Ленину так и остался стоять в центре площади – стандартный, с вытянутой рукой, в кепке. Борьба с памятниками не докатилась сюда. Здесь улюлюкающие безумные толпы не сметали былых идолов с пьедесталов. У подножия гранитного вождя лежали цветы.

Слежки за своей персоной Медведь не обнаружил. Часы на башне здания областного драматического театра показывали тринадцать тридцать. Пора.

Человек должен появиться в зеленом скверике напротив магазина «Семь озер» – трехэтажного стеклянного куба. Здесь было достаточно многолюдно.

Медведь прошел мимо праздничной, с веселыми разноцветными луковками пятиглавой церкви. Миновал ряды ларьков, выстроившихся вдоль проезжей части. Динамики на одном из них издавали звуки последнего хита – песню Люды Кош «Эти милые кудряшки».

Вот он. Синий «жигуль» остановился на стоянке около «Семи озер». Из машины вышел невысокий мужчина в очках. Минута в минуту. Пунктуальность – она радует в окружающих. Самому же быть пунктуальным нудно. Русский человек должен иметь зазор – плюс-минус четверть часа. Медведю это было жизненно необходимо. И вместе с тем жизнь заставляла его тоже быть пунктуальным и точным до тошноты.

Теперь человечек пошатается минут двадцать по городу, а Медведь еще раз проверит, не прилепилась ли к нему «наружка». А потом беседа в заранее обговоренном уютном местечке.

Очкастый протолкался через ряды торговцев цветами и шмотками, приблизился к пешеходному переходу. Остановился.

Мигнул красный свет для пешеходов. Несколько особо ретивых бегом попытались перемануть проезжую часть и заматались среди набирающих скорость машин, успешно достигли «другого берега». Русская коррида – игра с разъяренными авто. Национальный вид спорта.

И тут Медведя кольнуло. Он вдруг с ясностью увидел нарушение порядка вещей. Что-то тут не то.

Из-за здания магазина вырулила белая «Волга».

Очкарик стоял, беззаботно пялясь на светофор.

А Медведь понимал, что не успевает. Между ними не меньше ста пятидесяти метров. Даже не докричишься в уличном шуме.

«Волга» прибавила скорость, вильнула.

Застучал автомат. Его треск резко перекрыл уличный шум.

Очкастый рухнул, как сноп. Рядом с ним повалилась на асфальт женщина с хозяйственной сумкой.

«Волга» резко рванула с места. Автоматчик откинулся в глубь салона.

Вслед за стрекотом автомата пронесся отчаянный женский крик. Толпа забурлила. Кто-то кинулся в сторону. Кто-то стоял как вкопанный. Но опасность уже прошла. Киллеры сделали свое дело.

Медведь не сдвинулся с места. Его лицо ничего не выражало. Он кинул взгляд в сторону копошащейся толпы, людей, склонившихся над распростертыми телами. Обернулся. Неторопливо, будто его все это не касается, пошел прочь.

Все. Надо первым рейсом отбывать отсюда. А потом – разбор полетов у Гермеса.

Нужно готовиться к активным действиям.

Семиозерск оказался негостеприимным городом. Только что на глазах старшего оперуполномоченного по особо важным делам Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД России, бывшего офицера-десантника Олега Денисова, проходившего в подпольной организации «Пирамида» под псевдонимом Медведь, убили его агента. Убили человека, которого он знал не один год и за которого мог поручиться головой.

Казалось, мир сразу поблек. Он всегда меркнет, когда теряешь в нем кого-то. И холодеет – это холод дыхания смерти, в очередной раз безжалостно взмахнувшей своей косой.

В самолете Денисов сидел, прикрыв глаза. Ему хотелось заснуть, забыться. Но сон не шел. И водкой не зальешь боль – нужно иметь ясную голову, чтобы доложить о происшествии и думать, думать, думать. Все складывалось плохо...

* * *

– Готовьтесь, девочки. Заказ, – потер руки, зачесавшиеся в предчувствии денег, диспетчер.

Офис «Медеи» располагался в девятиэтажном доме около метро «Серпуховская» и занимал трехкомнатную квартиру, где постоянно ошивались три-четыре рабочие девки, шофер и охранники. Чаше интимные фирмы работают по другой схеме – девочки и мальчики сидят по домам и ждут вызова, на телефоне сидит диспетчер и, получив заказ, прозванивает исполнителям. Но это сказывается на оперативности работы, а значит, и на доходах.

«Медею» пытались закрывать не один раз. Но она снова и снова восставала из пепла. Сотрудники органов проводили мероприятия, задерживали персонал, изымали документацию, все пытались доказать, что имеет место проституция и сводничество. Но по документам оказывалось, что девочки вовсе не заняты древнейшей профессией, а оказывают услуги по психологическому расслаблению, знакомят иностранцев с достопримечательностями столицы. Милиция верила в подобные уставные задачи фирмы с трудом. Но и в милиции люди работают. Надо попросту вовремя кое-кому отстегнуть, кое с кем побарахтаться в постели и кое-кому продать информацию на клиентов – ведь если не стучать, то долго не протянешь, никакие взятки не помогут.

– Коленька, меня направо. Уже почти сутки простаиваю, – присела рядом с диспетчером – парнем лет восемнадцати – толстая черноволосая де-ваха.

– Не, Ленка, – покачал Коля головой. – Требуют среднегабаритную. И блондинку. Для Натахи заказ.

– Чурбаны, что ли? – спросила Натаха – как раз блондинка и габаритами именно средняя.

– Когда это чурбанам худые нравились? – резонно заметила Ленка. – Чурбаны любят, чтобы женщины много было.

– Русский. Триста баксов, – сообщил диспетчер. – На всю ночь.

– Капитально!

– Ленинский проспект. Помню этого чудика. Он уже однажды заказывал у нас. Светлана ездила.

– Ну и что?

– Псих какой-то, – произнес диспетчер скучающе.

– Садик? – заволновалась Натаха.

– Нет, не садист. Просто чокнутый.

– Это не страшно, – отмахнулась Натаха.

– Давай, Натаха, собирайся. И побыстрее. А то выговор получишь, – усмехнулся диспетчер.

История с Наташиным выговором служила предметом постоянных шуток. В прошлом году оперативники из УВД округа сняли Натаху прямо с клиента и отправились в «Медею» выяснять, какие это такие достопримечательности показывала сотрудница фирмы клиенту. Тогда и появился официальный приказ, в котором черным по белому было начертано: «За половое сношение с клиентом объявить экскурсоводу Н. Шавиной строгий выговор». Кстати, его так и не сняли, хотя работала Натаха ударно.

Вскоре со двора дома выехала белая «девятка». Рядом с водителем сидела Натаха – рабочая лошадка, на белом теле которой паразитировали все остальные. На заднем сиденье вальяжно разлегся охранник, в обязанности которого входило и получение денег, желательно вперед. Случалось, что крутые клиенты гнали охранника взащей и без денег, а девушку осваивали всю ночь во всех мыслимых и немыслимых позах. Для подобных инцидентов существовала «крыша» – крутые парни, готовые выбить деньги хоть из самого черта. Впрочем, черти бывают разные, случалось, и «крыша» не помогала – ее встречали с автоматами и в грубой форме обещали отпетушить. Тогда руководитель фирмы Гарик Айвазов набирался наглости и звонил в милицию – в такой-то квартире содержится заложница. И бойцы «серого» спецназа, как идиоты, штурмовали квартиру и освобождали шлюх. Пару раз такой номер прошел. А потом, разобравшись что к чему, «спецы» так отделали Гарика, что тот неделю пролежал дома, кряхтя и постанывая, – благо с ложки его кормили две свободные от работы проститутки.

Уже стемнело. Дневная жара отпустила. Часы показывали четверть одиннадцатого. Гаишник тормознул «Жигули» совсем недалеко от пункта назначения, сразу после празднично светящейся бензозаправки «ЛУКОЙЛа».

– Еханий бабай! – выругался шофер, прижимая машину к обочине и сдавая ее немножко назад. Опустил стекло.

Худощавый гаишник с сержантскими погонами резко козырнул, словно намереваясь рубануть ребром ладони по капоту, пригнулся:

– Сержант Москальков. Документы на машину. Права.

Натаха терпеть не могла милицию, боялась ее до дрожи. Она нервно заерзала на переднем сиденье.

Гаишник насмешливо посмотрел на нее.

В этот момент из «рафика», стоявшего в нескольких метрах позади «Жигулей», неторопливо выбрались трое лбов.

– Уголовный розыск, – крикнул один, распахивая дверцу «Жигулей». – Выйти из машины!

Он выдернул охранника и поставил лицом к машине, руки на крышу, ноги шире плеч. Двое оперативников занялись водителем.

– А чего, ребята, случилось? – нервно затараторила Натаха, глядя на пистолет Макарова в руке опера. – Мы в гости едем! Правда.

– Подождут гости, – сказал оперативник.

«Все, накрылись бабки! Не получит сегодня клиент женщину», – с горечью подумала Натаха.

И ошиблась. Клиент получил все, что заказывал. И даже больше.

* * *

Людмила взмахнула руками, бросая публике воздушный поцелуй, вильнула бедром, подхватила цветы и выпорхнула за кулисы.

Заметались разноцветные лучи, и на сцену козлом выпрыгнул кумир публики Иван Пенин – известный «голубой» с мужественной внешностью и мягким, воркующе-тоскующим голосом. Публика завизжала с новой силой.

– Василий. Все это – в машину. – Люда показала на цветы в углу гримерной.

Ее личный шофер, мускулистый молодой парень с бугристой нездоровой кожей на лице, сграбастал букеты в охапку.

– Осторожно, идиот! – взвизгнула Люда. – Помнешь, твою мать!

– Не помну, – не особенно любезно буркнул шофер.

– Ты чего триндишь? Тебе кто деньги платит? – презрительно кинула Людмила.

– Ты.

– Вот и не возникай! Затрахал, как матрос шлюху!

Шофер решил больше не возникать. Осторожно взял цветы и потащил их в «Вольво», припаркованный на стоянке у киноконцертного комплекса.

Когда шофер удалился, в гримерную вошел смуглый, крепко сложенный мужчина лет тридцати от роду. Черты его смазливой лица от рождения хранили выражение неизгладимого нахальства. Он неустанно обнажал в широкой улыбке ровные белые зубы. В одной руке он сжимал «дипломат». В другой – букет роз.

– От меня, – поклонился он.

– Жиганчик, ты, – всплеснула руками Людмила.

– А ты кого ждала?

– Ну не тебя.

– А дождалась меня. Не рада?

– Нет, почему? Я от тебя балдею, мальчишечка. – Она погладила его по щеке и чмокнула в губы. Букет между их телами зашуршал и спрессовался.

– Розы помнешь.

– А, этой травы у меня полна тачка... Ой, укололась!

– Шипы.

– У, бля... – заскулила Людмила, отскакивая и разглядывая пораненную руку.

Она была среднего роста, с хорошей фигурой, с большими, немного грустными голубыми глазами. Ее светлые волосы служили предметом всеобщей зависти. Злые языки утверждали, будто волосы крашенные. Другие долдонили, что это парик. Но правда состояла в том, что это были ее натуральные волосы.

– У тебя еще выход? – спросил Жиган.

– Не-а, – покачала она головой. – Отпела. Ты скажи, классно я пела? Нет, ты скажи как на духу, Жиганчик. Я хочу правду.

– Правду?

– Ага.

– Разливалась соловьем, – не моргнув глазом соврал Жиган. – Прекрасно.

– Во. А то эти козлы в «Полисе» написали, что я пищу, как котенок. Ну не животные?

– Животные.

– Завидуют. – Людмила встряхнула головой, так что волосы рассыпались по плечам, и всхлипнула. – Все завидуют. – Она открыла сумочку, вытащила сигарету и закурила. – Жиганчик, поставил бы ты их на уши!

– Как?

– Ну взорвал бы! За одно место подвесил бы! А чего они ко мне, козлы, пристали! А? Ну не плачу я им бабки. Так что, такое малявить надо?

– Гиены пера.

– Вот это ты образно сказал! – Она глубоко затянулась. По гримерной поплыл запах марихуаны.

– Все травкой балуешься? – спросил Жиган.

– А че? А кто мне чего? Менты, что ли? Да в жопу их! – махнула рукой Люда и плюхнулась на стул, закинув ногу на ногу, – короткая юбка подчеркивала их возбуждающую длину.

– Не горячись.

– Как там пипл на педика откликается?

– Ликует.

– Ага. Пенину за этот концерт бабок в два раза против моего отстегнули. Ну не животные?

– Животные.

– Жиганчик, пристрелил бы ты их.

– Что ты заладила? Откуда такая кровожадность, любовь моя?.. Поехали.

– Ща, докурю.

– Брось. – Он взял из ее пальцев сигарету, раздавил и выбросил.

– Ты чего, Жиган?! Это же моя заначка!

– Не бойся. – Он обхватил свой «дипломат». – Жиган ребенка не обидит. Пошли.

Они прошли пустыми служебными коридорами. Спустились по ступеням киноконцертного комплекса «Столица». На стенах висели афиши с перечнем артистов, принимавших участие в сегодняшнем концерте. Люда Кош стояла там на третьем месте, что ее крайне возмущало.

Синий «Вольво» уже вырулил со стоянки и стоял рядом с гранитными ступенями.

Жиган, поклонившись, открыл заднюю дверь.

– Мерси, – кивнула Люда Кош, плюхнулась на сиденье и завизжала: – Ты, придурок, все-таки помял цветы!

– Такие были. Ничего я не мял! – возмутился шофер.

– Помял, бля, животное!

Жиган сел на заднее сиденье. Машина плавно тронулась с места.

– Жиган, он постоянно цветы мои мнет. И еще отнекивается.

Жиган полуобнял ее.

– Знаешь, – попросила Люда, – пристрели его к е... матери! Достал уже!

– Чего ты развоевалась?

– Да потому, что остое...ло все! Все животные! А этот – особенно. Цветы мнет! Не могу. – Она заплакала. – Не могу! Не могу!

– Успокойся. – Он погладил ее по плечам.

– Жиган, ты же бандит. Пристрели, говорю, Ваську. Обнаглел вконец!

Было видно в зеркальце заднего вида, как шофер Василий закатил глаза и покачал головой. Жиган улыбнулся и подмигнул ему в ответ.

Четырехкомнатная просторная квартира располагалась на пятом этаже кирпичного дома в арбатском переулке. Раньше в нем проживали цековские шишки, а теперь селились деньги. Жилище Люде отделали по ее вкусу, который, поговаривают, отсутствовал вовсе. Здесь имелись джакузи, гидромассажная ванна, сортир с зеркалами, мебель с гнутыми ножками и климатконтроль, который работал неустанно, разгоняя уже ставшую привычной за последние годы в Москве жару.

Люда прямо в искрящемся в свете люстр концертном платье плюхнулась в спальне на широченную белую кровать, на которой мог расположиться целый взвод. Сбросила туфлю. Расстегнула вторую и взмахнула ногой, так что туфля пролетела и стукнулась о подставленную руку Василия.

– Пшел вон, – кинула она шоферу.

Василий пожал плечами и удалился.

– Надоели они все! – заскулила Люда, приподнялась и начала стаскивать с себя платье. Осталась в одних трусиках. – Животные!

Она улеглась на спину и уставилась в зеркальный потолок.

Жиган присел рядом с ней.

– Сколько от тебя, Людка, шуму. Ты все-таки мешком с песком пришибленная, – покачал он головой.

– На себя посмотри, – с вызовом бросила она. – Ты вообще чего приперся? Сигарету с травкой выбросил. Где мой порошок? Ты обещал, зараза!

– Я же тебе привозил.

– Кончился! У меня же гости бывают. Мне что, одной?.. С кокаинчиком трах идет куда лучше!

– Ты слишком увлеклась им.

– Нет. Уже слезать начинаю. Ну, принес порошок?

– Нет.

– Ой, Жиган, – заскулила она и заколотила кулачками по своей объемистой голой груди. – И ты животное!

– Во дура, – хмыкнул он. Потом полез в «дипломат». Отодвинул железную планку. И выудил из тайника серо-зеленую таблетку.

– Это чего, аспирин? – подозрительно посмотрела она на таблетку.

– Кое-чего получше.

– Говно какое-то зеленое... И чего с ней делать?

– Проглоти.

– Отравишь, Жиган!

– Чего ты метешь?

– Ладно. Моя смерть на твоей совести будет. – Она кинула в рот таблетку. Скривившись, проглотила. Растянулась на кровати, раскинув руки. Пролежала так минуты три.

Жиган все это время сидел в кресле в углу и с интересом разглядывал ее, как естествоиспытатель, проводящий опыты на белых мышках.

– Жиган, хреновина какая-то! Прихода нет!

– Будет.

Еще через минуту Люда вдруг застонала, выгнулась и заерзала на кровати. Лицо ее перекосила гримаса.

Дозы хватило на несколько часов.

– В такую даль я никогда не улетаю, Жиганчик, – призналась Люда утром. – Дай еще!

– Получи таблетку, Людочка... А дальше – как будешь себя вести.

* * *

– Заказ, – развязно воскликнула блондинка на «кто там?», донесшееся из-за двери.

– Сколько ждать можно? – послышался недовольный мужской голос.

– ГАИ тормознула.

Дверь приоткрылась, оставаясь на цепочке. Заказчик, широкоплечий, лысый как колено, с пронизательными злыми глазами, слегка пьяный мужчина лет сорока пяти недоброжелательно оглядел проститутку и охранника. Через полуоткрытую дверь на цепочке протянул девушке шесть пятидесятидолларовых бумажек.

– Передай ему, – потребовал он у проститутки.

Та, удивленная таким обхождением, передала сопровождавшему деньги.

– Пускай бугай валит, – прорычал клиент.

Охранник улыбнулся, просмотрел бумажки на свет, кивнул:

– Спасибо.

И направился вниз.

Хозяин квартиры закрыл дверь. Звякнул цепочкой. Потом открыл. Резким движением вдернул девушку в прихожую и захлопнул дверь.

– Да осторожнее, – вскрикнула она.

Хватка у клиента оказалась медвежья. В руке он держал пистолет. Девушка испуганно посмотрела на оружие.

– Стой тихо, – прошипел клиент.

Он засунул пистолет за пояс джинсов – единственной одежды на нем. Пробежал руками по платью проститутки. Вырвал сумочку из ее рук. Вытряхнул содержимое на столик в прихожей. Прощупал сумку. Отбросил. С облегчением вздохнул.

– Львенок, а у тебя все дома? – переводя дыхание, спросила гостья. – Как с головой-то?

– Ты работать приехала? Или баллон катить?

– Фи, – поджала губки проститутка.

Уже спокойно, без эмоций хозяин квартиры оглядел ее с ног до головы. И остался доволен.

– Проходи.

Она сгребла разбросанное содержимое в сумочку. Прошла в комнату. Плюхнулась с размаху на диван.

– Львенок, дай девушке выпить, – капризно произнесла она.

– Какой я тебе львенок?

– А ты мне нравишься. Все, кто мне нравится, – это львята.

– Кончай балабонить!

– Ну и ладно.

Она встала. Стянула платье. Бюстгальтер на ней отсутствовал. Большие груди выглядели очень аппетитно.

– Так-то лучше. – Он сел рядом с ней на диван.

Она потянулась за сумочкой. Вытащила зеркальце и помаду.

– Сейчас. – Она быстро подвела губы.

Он потянулся к ней. Провел рукой по груди. Помял, задышав чаще, набухшие соски.

– Сейчас, – прошептала она. – Дай положу.

Она встала. Положила сумочку на стол.

– Секунду.

Она обернулась к хозяину квартиры, в пальцах сжимая футляр от помады.

Мужчина все понял. Он попытался дернуться, бросился вперед.

И в лицо ударила струя. Футляр был не чем иным, как однозарядным газовым баллончиком.

– Ах ты. – Он встал, шагнул ей навстречу.

И рухнул на колени.

– Дурак ты, а не львенок, – усмехнулась женщина, натягивая платье.

Она подошла к хозяину квартиры, пнула его ногой.

Мужчина не терял сознания. Его sprysнули качественной дрянью. Такую не купишь ни за какие деньги. Тело стало бесчувственным и не подчинялось приказам. Это как паралич.

Девушка два раза включила и выключила свет. И направилась к дверям.

Вскоре в квартире возникли трое. Двухметровый, угрожающего вида, но не лишенный привлекательности верзила и двое парней с ним.

– Ну что, Александр Михайлович Хорунжий, – улыбнулся старший, нагибаясь над распростертым телом и не ожидая ответа.

Медведь, он же подполковник милиции Олег Денисов, поглядел в глаза пленника, жившие своей жизнью. В них плескался страх.

– Вот и встретились... Забирайте, ребята, – кинул он своим помощникам.

Парни сноровисто одели тело. Подняли его, как пьяного.

– Спасибо, Вика. Отлично сработала, – кивнул Денисов девушке.

– Понадоблюсь – обращайтесь, – усмехнулась она.

В это время Натаха, настоящая работница фирмы «Медея», вместе с сопровождающими безуспешно пыталась втолковать что-то прилипчивым ментам, которые в «рафике» задавали идиотские вопросы. Она уже поняла, что триста долларов, из которых она получила бы треть, накрылись медным тазом и о них пора забыть.

А ее несостоявшегося клиента Хорунжего тем временем бойцы «Пирамиды» усадили в машину. И повезли на неприятное свидание с собственным прошлым...

Наконец, в «рафик» заглянул гаишник и сказал:

– Все нормально. Машина в розыске не значится.

– Ладно. – Прилипчивый оперативник угрозыска протянул Натахе паспорт. – Возвращаю.

Без извинений.

Она схватила паспорт.

– И чтоб я тебя больше не видел. Катись в свое родное Иваново.

– Обязательно. – Она как ошпаренная выскочила из «рафика».

До заказчика на Ленинский проспект они все-таки добрались. Но на звонок никто не ответил.

– Не дождались нас! – разочарованно произнес охранник.

– Менты клятые, чтоб им на портупее повеситься! – с чувством воскликнула Натаха.

* * *

Влад прижался головой к Настиному плечу и прикрыл глаза. В окно светило ласковое солнце. Такая квартира – солнце появляется в окне по утрам и не дает выспаться. От него плохо защищают тонкие шторы. Хорошо бы, конечно, купить тяжелые портьеры, но они смешно смотрелись бы в малогабаритной двухкомнатной квартирке.

Настя пошевелилась и приоткрыла глаза. Она повернулась к Владу. Поцеловала его в губы.

– Сколько времени? – прошептала она.

– Одиннадцатый час.

– Это просто кошмар, – без всякого раскаяния произнесла она.

– Распустились, – согласился он. – Ложимся в три. Встаем в двенадцать.

– Как «новые русские».

– Как бандиты. Это у них жизнь по ночам.

– В кабаках.

– В стриптиз-барах.

– Значит, нам стриптиз-баров не хватает... Это никуда не годится. – Она притянула к себе голову Влада. Их губы вновь соединились.

И все куда-то поплыло. Стало незначительным. Все в мире сошлось в одной точке, в которой переплелись их тела.

– Я тебя люблю, – наконец прошептал Влад.

– Я тебя люблю, – прошептала Настя.

– Все это ерунда, – покачал головой Влад. – Слова – чего они стоят? Как ими выразить все?

– И не надо. Мы же все понимаем.

Владу хотелось и плакать, и смеяться. Мир для него играл всеми красками. Он весь сиял радостью. Он был наполнен Настей, с которой полгода назад обвенчались, как положено пра-

вославленным, в церкви. Полгода пролетели как один миг. Их чувства нисколько не поблекли. Не потускнели. Только стали глубже. Серьезнее. И чище.

Влад был счастлив. И он заслужил это счастье. Оплатил его всей своей жизнью – годами войны, штурмом Грозного, когда над городом плыл страшный запах горелого мяса и жженого машинного масла, рейдами в Таджикистан и засадами в Афгане. Он прошел сквозь огонь, воду и медные трубы, чтобы вызволить Настю из беды. Почти год минул с того момента, как ее похитили преступники, работавшие на мощную мрачную структуру «Синдикат», в которой слились в едином порыве олигархические, властные и преступные силы России. Настю держали в тюрьме для тех, у кого изымали внутренние органы. И Влад со своими друзьями тараном врвался в логово врага, переворачивал все вверх дном. И достиг того, что дается в жизни немногим, – спас свою любимую женщину. Великое счастье настоящего мужчины.

Прошлогодняя война с «Синдикатом» стала первым делом Влада Абросимова в «Пирамиде». Там же ему вернули забытый позывной, который носил капитан воздушно-десантных войск Абросимов. Он снова стал Русичем. После этого ему приходилось участвовать еще в двух силовых акциях. И жить странной жизнью, не принадлежать себе. Менять имена. Квартиры. Ежесекундно ждать выстрела снайпера или взрыва.

- Давай вообще не будем вставать, – улыбнулся Влад. – Так и останемся в постели...
- Пока не умрем с голоду, – поддакнула Настя.
- Вот ты все принижаешь.
- Почему принижаю? Я тут испанское блюдо освоила...

Самое неприятное, что Настю сдернули с места. Ей тоже пришлось менять фамилии, паспорта. Считалось – и не без оснований, – что осколки «Синдиката» действуют по сию пору. И бандиты попытаются через Настю выйти на Влада, а затем и на «Пирамиду». Так что вместе с мужем она, блестящий математик, светлая голова, начинающий ученый, должна вести непонятную, потустороннюю жизнь, жертвовать любимой работой.

Впрочем, в углу стоял мощный компьютер, с помощью которого она продиралась через темные дебри математических абстракций. Остальное время, пока Влад бывал в отлучках, она занимала себя тщательным, постепенным, по страницам и главам осваиванием кулинарной книги. Настя принадлежала к тем, у кого получается в жизни все, и лишь на оценку «отлично». Такие люди имеют врожденное чувство гармонии и приводят окружающую среду в соответствие с этим чувством. И готовила она прекрасно.

– Разжирею, стану тучным, противным, ни на что не годным, – притворно горько вздохнул Влад.

- Ну да. По три часа в день гимнастикой заниматься – не разжиреешь.
- Твоя правда... Но сначала я хочу съесть тебя. – Он зарычал и утонул лицом в ее пышных волосах.

Все грозило начаться снова. И тут на столе затренькал сотовый телефон.

- В окно его, – потребовала Настя.
- В окно! – кивнул Влад.
- И не доставать.
- И не доставать! – кивнул он. – Я бы рад. Но...

Она погрузилась. Отпустила его. Она все понимала.

Влад вынырнул из-под одеяла. Повел резко руками, так что заиграли рельефные мускулы. Когда-то он отрастил бороду и походил на эдакого русского витязя, высокого, мощного, но вместе с тем быстрого и грациозного в движениях. С бородой пришлось расстаться.

Он подошел к столу. Взял телефон. Нажал на кнопку.

- Слушаю...
- Цех? – послышался голос. – Передай Семенову, что в шестом трубу прорвало. Ключ – девять на двенадцать.

- Друг, – возмутился Влад. – Ты научись сперва номер нормально набирать.
- А чего?
- Это квартира.
- Квартира, – недовольно пробурчали на другом конце. – А мне цех нужен...
- Отбой.
- Что? – спросила Настя.
- Надо ехать.
- Позавтракать успеешь?
- Да. Полчаса на сборы.
- Встаем. – Она откинула одеяло и поднялась – прекрасная, изящная, щемяще светлая.

Та галиматъя, которую наговорили по телефону, на самом деле имела смысл. Звонил связник. И шифр означал, что Русичу необходимо явиться в «Зоопарк». Это учреждение не имело клеток и вольеров. Оно было предназначено для другого.

* * *

Секретарша была молодая, длинная, красивая, холодная как лед. Она печатала что-то одним пальцем на пишущей машинке «Оливетти», подолгу ища нужные буквы. Чувствовалось, что владеет она машинописью не намного лучше, чем, к примеру, искусством кораблевождения.

Амаров прекрасно знал, для чего служат такие секретарши. Уж, конечно, не для печатания приказов и организации совещаний. У них одно предназначение – быть у хозяина под рукой. Достаточно боссу нажать пальцем с бриллиантовой печаткой на кнопку, и через минуту можно раскладывать девицу – хоть на начальственном столе, хоть на диванчике в комнате отдыха – это уж дело вкуса. А может и обслужить прямо в кресле, встав на колени, чтобы не отрываться от телефонных разговоров и работы на компьютере.

Амаров презирал все это. Он вообще с пренебрежением относился к хозяевам подобных кабинетов, а вместе с ними и к хозяевам всей этой заложенной задарма, проданной по дешевке страны. Эти люди привыкли мешать все – личное и деловое, чужой карман и свой. Это и хорошо, ему, Амарову, легче. Но все равно противно.

– Вас ждут, – отодвигая от себя ненавистную пишущую машинку, неживым голосом произнесла секретарша.

– Ай спасибо, дочка, – закивал азербайджанец, улыбаясь доброжелательно и немного суетливо.

Морщинистое приятное, доброе лицо, быстрые движения, широкая улыбка, легкий акцент в речи – Амаров делал все, чтобы выглядеть немножко примитивным, недалеким, обаятельным, не лишенным юмора, безвредным мужчиной с Кавказа. Эдакая душа нараспашку. Последнюю рубашку готов отдать ради показухи. «Мой дом – твой дом... ты теперь мне как брат...» – и прочее. Срабатывало безотказно. Многие и считали его таким, каким он хотел казаться. Те, кто сталкивался с ним ближе, знали и цену всем этим маскам, которые он менял, как ему заблагорассудится.

– На, красавица. Мужа тебе хорошего. Чтобы ты в норке и на «Мерседесе» ездила. Ай, хорошая, – покачал он головой и протянул девушке французские духи.

Секретарша наконец расплылась в улыбке. Она разбиралась в дорогих духах. И этот человек ей понравился, хотя, сидя в приемной, за полгода она уже научилась воспринимать людей как никчемных просителей, существ куда ниже, чем она сама и ее шеф.

Амаров вошел в длинный, просторный, обшитый дубом кабинет. Когда-то в нем работал второй секретарь обкома КПСС. Здесь все подчеркивало магию власти. Еще в те времена в первый раз Амаров побывал в этом кабинете. Ту власть можно было не любить, относиться к

ней как угодно, но это действительно была власть. Она возвышалась над окружающими, как снежный горный пик. Ее атрибуты все воспринимали с должной серьезностью – и машины с флажками, и старомодную массивную мебель, и тяжелые портьеры, и телефоны с гербами, и депутатские значки в лацканах дорогих пиджаков, и многое другое. Теперь в кресле важно восседал сопливый очкарик с хитрой физиономией, из тех, кого в прошлые времена Амаров не пустил бы дальше прихожей – в доме его много серебра, а после таких гостей вилок недо-считаешься. И надо же – вице-губернатор!

Азербайджанец подавил нахлынувшее раздражение и придал лицу еще более доброже-лательное, слегка приниженное выражение. Он поклонился.

– Здравствуйте, Яков Абрамович.

Вице-губернатор Яков Гопман, не вставая с места, мазнул по посетителю рассеянным взглядом и небрежно кивнул на стул.

– Ну, чего там? – осведомился он, не отвечая на приветствие.

– С просьбой нижайшей, Яков Абрамович. – Амаров скромно примостился на краешек стула, на колени положил потертую папку из натуральной кожи.

– Ясное дело, не с бананами. У всех просьбы. – Гопман поправил модный галстук. Этому худощавому дерганому человеку едва стукнул тридцатник, и все в нем выдавало натуру про-хиндейскую.

– В Красноармейском районе города колхозный рынок реконструировать пора. Когда уже собирались – и что сделано?

– Ну...

– О народе надо позаботиться. Чтобы картошка была. Зеленень-мелень продавали. Салат-малат. Людям хорошо будет. Всем хорошо.

– Ясно. Ты его и собираешься открывать. – Вице-губернатор напрягся. Уж в чем в чем, а в рынках он знал толк. Недаром в молодости имел одиннадцать приводов за мелкую спекуля-цию. Впрочем, ныне это не возбраняется. Его добрый приятель, известный курчавый молодой реформатор и вице-премьер Неменов, имел не меньше приводов за карточные игры, и хуже ему от этого не стало.

– Не я. Фирма «Гянджа». Хорошие люди там. Честные. И районная администрация согласна. Никто лучше не сделает. Клянусь.

– Хлебом? – спросил Гопман.

– Что хлебом?

– Хлебом ваши клянутся.

Азербайджанец закивал, стараясь не смотреть в глаза хозяину кабинета, боясь выдать истинные чувства.

– Моя подпись нужна, да?

– Нужна, – потупился Амаров.

– Значит, рынок... Отношения, кстати, сейчас тоже рыночные.

– Мы согласны. Мы никого не обижаем.

– Короче, оглы, сколько?

– Сто пятьдесят.

– Рублей? – насмешливо спросил вице-губернатор.

– Тысяч.

– Карбованцев?

– Шекелей...

– Шутка... Мы не продаемся. Это тебе не твои горы, оглы. Это тебе Россия... В общем, решим.

– Братом будете.

– Родственничек, ха... Мне тещи хватает. Значит, сто семьдесят...

Вице-губернатор хапал открыто, не стесняясь. Нагл беспредельно. Из команды молодых. Нрав для своей нации он имел нетипичный – несдержанный, безоглядный, – тащил сколько мог, не слишком задумываясь о последствиях. Сейчас главная его задача – сбить аукционную цену на нефтеперерабатывающий завод на севере области. Тут он работал с губернатором на пару, и основная доля прибыли шла старшему по должности.

– Давай, оглы, – произнес вице-губернатор.

Амаров протянул папку с документами.

– Посмотрю на досуге.

– Ай, молодец, – закачал головой азербайджанец. – Президентом станете.

– Да уж, – махнул рукой вице-губернатор, но на миг призадумался. А почему бы и нет? Когда его пинали бэхээсэсники, мог он представить, что будет принимать людей в кабинете второго секретаря обкома? Ох, получить бы эту дерьмовую страну – вот бы развернулся. Динозавры от власти скоро передохнут. И настанет время «младореформаторов» – недаром об этом телевизионщики до хрипа визжат.

Пятясь задом и кланяясь, азербайджанец вышел из кабинета. Он остался доволен. Подпись вице-губернатора обеспечена. Да еще этот хлыщ Гопман крепко попадет на крючок. И появится у Амарова еще один рынок. Он станет плацдармом в Красноармейском районе. Можно потихоньку начать прибирать окрестности. Кровь прольется, стрельба начнется, но это не страшно. Там нет ни одной мало-мальски серьезной бригады, способной противостоять общине.

– Береги, дочка, своего начальника, – сказал на выходе Амаров секретарше. – Хороший человек... Полезный человек...

* * *

Медведь и Русич расположились в глубоких кожаных креслах перед экраном телевизора. Зеленел огонек на видеомониторе.

Встреча происходила в просторном кабинете, заставленном старинной мебелью – красное дерево с золотом. Стены украшали многочисленные картины в тяжелых золотых рамах, на всех без исключения – звери, рыбки, цветочки. Не то чтобы хозяева этого заведения испытывали такую слабость к флоре и фауне. Просто это помещение принадлежало Всероссийскому экологическому фонду – невнятной организации, которая арендовала двухэтажный особняк на Каширском шоссе. На самом деле это была одна из наиболее засекреченных штаб-квартир «Пирамиды», куда допускались наиболее проверенные люди. Местечко это они прозвали «Зоопарком».

Фонд служил неплохой «крышей» для ряда операций. Его сотрудники могли шататься свободно по России и всему миру. Через него перекидывались «благотворительные» деньги...

Как ни странно, «крыша» эта оказалась надежной. Время от времени «Пирамида» теряла людей, позиции, базы. Особый ущерб был после прошлогодней бойни с «Синдикатом» и последовавшего за ним наступления по всему фронту со стороны силовых структур. Но Фонд остался неприкосновенным, никому не известным. Обычно здесь проводились наиболее важные встречи верхушки «Пирамиды». Чужим сюда дорога заказана.

– Он попал в наше поле зрения полгода назад, когда мы работали по чеченским взрывникам. Прошла информация, что он поставляет спецов высокого уровня бандюганам и террористам, – пояснил Медведь. – Находит бывших бойцов спецподразделений, сотрудников госбезопасности, оказавшихся не у дел, выброшенных на улицу. И пристраивает в хорошие руки. Эдакий благотворительный ветеранский фонд.

– Знакомое лицо... Дай вспомнить, – произнес Влад.

– Не напрягайся. Побереги силы. Это Хорунжий Александр Михайлович. Подполковник госбезопасности в запасе. Работал в КГБ. Сначала в контрразведке. Потом в антитеррористической группе. Затем во внешней разведке. Три боевых ордена.

– Черт! Таджикистан! Караван с героином!

– Точно. Он был инициатором операции.

– Глянь, как жизнь разводит всех.

– По разным окопам... Опер был отличный. С несостоявшейся карьерой. С неутоленными амбициями.

– Результат – переход на сторону врага. – Влад вспомнил все разом. Рев «Шмеля». Пылающий героин – разлетались пылью миллионы долларов. И алчное сожаление в глазах подполковника внешней разведки... Скорее всего, все началось у него с вопроса: почему я должен отдавать все для государства, которое не отвечает мне взаимностью? Протяни руку – и вот они, «зеленые» счета с шестью нулями... Нужно только протянуть руку. Всего лишь протянуть руку. Только тогда уже не будет дороги назад. И ты становишься предателем, мразью...

– Это уже не тот человек, что раньше, – произнес Медведь. – Это его жалкое отражение в кривом зеркале. Подозрительный, боящийся своей тени, он скрывался по съемным квартирам. Сильно пил. Не расставался с пистолетом. Взять его – целая проблема.

– Но взяли.

– Не то что взяли. Изъяли – аккуратно и без шума. Мы поставили на прослушку его телефон. Засекли звонок в интимную контору, где он заказал проститутку. Сумели задержать машину с дамой легкого поведения. И подставили ему свою девушку.

– Твоя задумка?

– Не спорю, мое авторство... Теперь слушай внимательно.

Денисов нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и застывшие на экране фигуры пришли в движение. Пошла видеозапись допроса задержанного, который производил Медведь.

– Я думал, ты уже подох. Сколько мы не виделись? Семь лет? – скривился Хорунжий.

– Шесть, – сказал Денисов.

– Много. Такие психи, как ты, долго не живут.

– У меня дела есть на этой земле. Важные.

– Важные, – усмехнулся Хорунжий.

– Александр, ты считался приличным опером. Солдатом государевым. Ты взламывал моджахедские крепости. Москитов кормил в джунглях. Ты служил не за страх, а за совесть. И теперь превратился в трясущуюся мокрицу. И за бабки помогаешь убивать русских людей.

– Моджахеды, – усмехнулся Хорунжий. – Москиты... Помнишь Верещагина из «Белого солнца пустыни»? «Была у меня таможня, были контрабандисты». Было государство. Была служба. Все в прошлом. Нет страны. Твой любимый русский народ, о котором ты всю жизнь пекся, за засохшую жвачку ее загнал. Все наши военные секреты янки с фрицами расхватили, как горячие пирожки, – по пять копеек. И мы врагам жопы лижем. Нет, Денисов, командные игры во славу СССР в прошлом. В сегодняшней дьявольской игре каждый за себя.

– Или каждый за всех.

– Только не я, – покачал головой Хорунжий и потянулся к пластмассовой бутылке с кока-колой. – Ох, Денисов. Никогда бы ты меня не взял.

– Но взял же.

– Расслабился я на секунду. – Хорунжий жадно ополовинил пол-литровую бутылочку. – А ты все на государство работаешь? Из доблестного десанта ты выбыл. Куда приткнулся? К Федеральному агентству государственной безопасности – этой пуговице от ширинки КГБ!

– Угадал ведь, – соврал, не задумавшись, Денисов.

– От меня чего хотите? Шпионов боитесь беспокоить – у них у всех лапа волосатая в Кремле, так за бывших сотрудников взялись?

– Не прибедайся, Сашок. Орлы, которых ты бандюкам поставляешь, по всей Руси мины ставят.

– У тебя и доказательства есть?

– Что я слышу, Саша? Кому в таких подвалах нужны доказательства? Ты не в следственном изоляторе. И ни по каким документам не проходишь. Ты отставной военный, который за пенсией уже год не заглядывает. Без родных и близких. Тебя никто не хватится. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаешься.

– Поэтому не томи. Рассказывай все благодарному слушателю.

– Нечего рассказывать.

– Саша, ты не в курсе, что есть способы развязать языки кому угодно? Не трать свое и чужое время. Все уже решено... Кроме того, сам же утверждаешь – каждый за себя.

– А потом что? Суд? И я – козел отпущения?

– Какой суд? Ты нам годишься.

– Ага. – Пленный задумался...

Денисов включил перемотку и сказал Владу:

– Дальше – минуты горького раздумья. Конечно, он раскололся. Понял, что чудить нечего.

Лента вращалась. На панели видеомэгнитофона мелькали цифры.

– Там он рассказывает о том, куда и каких спецов отправлял. Память у него отличная. Список длинный. На три часа хватило его... Вот то, что нам нужно.

На экране все те же – Медведь и пленник.

Каждое движение, каждый вздох Хорунжего контролировался датчиками стресса – попросту детектора лжи. Комната для допросов была напичкана аппаратурой. Она незаметно считывала электромагнитные составляющие биополя подконтрольного объекта, инфракрасные излучения, идущие от него, другие характеристики. Даже в стулья установлены датчики, реагирующие на вибрацию тела человека, которая тоже отражает эмоциональное состояние. Стандартный детектор лжи считывает только реакцию человека на прямой вопрос. Сложная система, которую заполучила «Пирамида» в одном закрытом, оставшемся без финансирования ВНИИ, оценивала эмоциональное состояние объекта в процессе обычной беседы. Программа позволяла почти со стопроцентной вероятностью ответить на вопрос: можно ли доверять человеку? Такого в мире не мог сделать никто. Американцы, считающиеся признанными лидерами в этой области, только подбирались к подобным методикам и нащупывали тропинки. Эта система позволила выявить нескольких агентов, которых пытались внедрить в «Пирамиду». В верхней части экрана телевизора изображение сопровождал красный график, позволявший определить реакции допрашиваемого на вопросы.

– Последний заказ еще не выполнил, – сказал Хорунжий. – Должен направить человека на днях.

– Что за заказ?

– От вора в законе Бандеры.

– Бандера, – прищелкнул пальцами Медведь. – Где он сейчас?

– В Болотникове.

– Это где?

– Семиозерская область.

– Чего он там делает?

– Команду крутую собирает.

– Воевать собрался?

- Похоже на то.
- Денисов выключил видеомagneитофон и повернулся к Владу.
- Ну чего, Русич?
- Занятная история.
- Обратил внимание – Семиозерск.
- Никогда не был.
- Побываешь, – многообещающе произнес Медведь. – Интересные дела там начинаются...
- Что, заброска в тыл противника? – посмотрел на него выжидательно Влад.
- А ты против? – хмыкнул Медведь и изрек очередную десантную мудрость, он был их кладезем: – Десантник – человек свободный. Куда пошлют, туда он и захочет.

* * *

Большие бронзовые антикварные часы на стене стучали так, будто жадно клацали железными зубами. И на улице невероятно шумно.

Люда Кош приоткрыла глаза, и по ним резанул свет. Она скосила взгляд. Рядом расположилось нечто большое, противное, от чего исходила дурная энергия. Весь мир казался каким-то не таким, неудобным. В нем стало тесно и опасно.

Все здесь ополчилось против нее – звуки, запахи, свет!

Она застонала. Приподнялась. Встряхнула головой. И начала быстро возвращаться на круги своя. Все приходило в норму. Голова была ясной и пустой. На душе полегчало.

Рядом лежал Жиган. Давно и хорошо знакомая цыганская морда, а не какое-то выброшенное на берег морское чудовище, как показалось сначала.

Это все его таблетки. Чудо, а не таблетки. После марихуаны чувствуешь себя опустошенной. После кокаина на душе так бермудно, что жить не хочется. А тут – пара минут, чтобы прийти в себя, и ты как новенькая.

– Вставай, мальчишечка. – Она весело ткнула Жигана в бок.

Тот замычал и заворочался.

– Вставай, Жиган. – Она потерлась обнаженными грудями о его спину.

– Что? – пробурчал он, не открывая глаз. – Сколько времени?

– Седьмой час.

– У тебя крыша съехала? До трех же кувыркались!

Она прикрыла глаза. Точно, до трех часов ночи они предавались любовным утехам. Это было непередаваемо. Она обитала одной ногой в этом мире, где ею овладевал Жиган, а другой ногой в тех загадочных пространствах, куда забросили ее таблетки.

– Жиган, ты мужик или кто?

– Или кто, – пробурчал он.

– Уж не из тех ли? Не цветной?

Жиган разогнулся как пружина. Резко потянулся к ней, цепкими пальцами сжал ее горло.

– Ты, шлюха! Еще такое вякнешь – твою башку тупую в унитаз спущу!

Люда захрипела, пытаясь оторвать руки Жигана.

Он отпустил ее. Она закашлялась.

– Ох...л? – выдавила она.

– Я предупредил.

– Я пошутила. А ты...

– Ладно. Пока проехали.

– Крутой ты, Жиган. Я балдею от таких. – Она потянулась к нему. Атаковала с пугающим неистовством, так что итальянская широкая кровать грозила рухнуть от разрушительной энергии бурно сплетающихся тел.

Когда все закончилось, Люда не могла успокоиться. Энергия ее так и не нашла до конца выхода.

Не одеваясь, она отправилась на кухню. И провозилась там несколько минут.

– Завтрак. – Она извлекла из микроволновки готовые полуфабрикаты. Сегодня она решила не приходить хохлушке, работавшей у нее прислугой. Так что пришлось самой лезть в холодильник и в печку.

Жиган без особого аппетита съел завтрак – прямо в постели. Выпил чашку кофе.

– Завтра уезжаю, – уведомил он, кладя поднос на столик на колесиках.

– Куда?

– К себе. В Семиозерск.

– С хрена ли?

– Дела.

– Дела, дела. Зае...ли все эти дела. У меня тоже дела. Перед пиплом сегодня придется под фанеру всю ночь в «Распутине» корячиться.

– А чего, не нравится?

– Я же актриса.

– Еще скажи, что живешь для публики.

– Я актриса! – хлопнула ладошкой по постели Люда Кош.

– Актриса, актриса.

– И нечего здесь.

– Чего раскудаhtалась?

– Может, из-за того, что ты уезжаешь.

– Из-за меня? Или из-за «елочки»?

– Ну ты же оставишь мне ее?

– Вот. – Он потянулся к «дипломату», стоявшему рядом с кроватью. Вытащил из тайника несколько таблеток.

– Это что? – возмутилась Люда. – Мало!

– Хватит. Излишества – враг здоровья, Лю-дочка.

– Жиганчик, ты же ничего не понимаешь. Это не как наркотик. Это как успокаивающее. Я же хорошо себя чувствую. Это же не героин сраный.

– Хватит тебе. Через недельку прилечу снова. А потом у тебя гастроли в Семиозерске.

– Ну да. В вашем сраном Семиозерске. На хрена мне ваша дыра?

– У тебя там масса поклонников. «Эти милые кудряшки сняты по ночам». Ломовой хит.

Все тинейджеры прутся!

– Правда так думаешь? – Она погладила его ладонью по щеке.

– Правда, – нахально соврал он.

– Ну дай еще таблеточек, Жиганчик! Пожалуйста!

– Закрути вентиль. А то вообще ничего не получишь!

– Ах ты... – Она хотела выругаться, но наступила на свои разболтанные нервы острым каблуком. Ничего, когда-нибудь она сочтется с Жиганом. За кого он ее принимает, бандит с большой дороги?! Она – актриса! А у него – как он сам сказал – институт имени Воровского, факультет карманной тяги...

* * *

– «За прошедшие сутки в столкновениях с боевиками на территории Чеченской Республики погибло четверо военнослужащих федеральных войск. Уничтожено более двадцати боевиков. Продолжается освобождение горных территорий республики от бандформирований», – зачитал теледиктор сводку с южного фронта.

Влад заворуженно смотрел на экран, по которому в пыли ползли боевые машины пехоты, а вдали виднелись хорошо знакомые развалины трижды проклятого города, собравшего обильную кровавую жатву с русского народа. Каждая улица там знакома. Каждое название саднит ранами в его душе. Площадь Секунда – там снайпер ранил капитана внутренних войск, а потом начал методично отстреливать бросившихся к командиру на помощь солдатиков – ловля на живца, любимый бандитский прием. Каким-то чудом Влад поймал силуэт в оптику эсвэдэшки и нажал на спуск, отправив черную душу моджахеда в ад. А вон пошли кадры – центр города, так и не восстановленный до конца. Здесь в здании Федерального агентства госбезопасности Влад и несколько офицеров со скудным боекомплектom ждали штурма осенью девяносто шестого, понимая отлично, что бой будет неравным – на них перла орда обкуренных зверей... Улица Ленина – там по их боевой машине десанта жажнули с крыши разрушенной пятиэтажки из гранатомета. Хорошо, все бойцы успели соскочить с брони и рассредоточиться. Уйти боевику не удалось... Пыль на зубах. Духота. Или холод южной полужимы-полуосени, которая продирает похлеще российских морозов. Вот что такое Чечня. А еще – запах горелого мяса. Бесформенные, похожие на тюки трупы. И тучи стервятников в голубом небе – спутники жарких боев в горах...

Какое-то странное состояние испытывал Влад, глядя на эти кадры. Когда после фантастического предательства властей русские солдаты бежали из Чечни, Влад обмолвился – мы вернемся... Он оказался прав. Чеченский котел взорвался. Бандитам было тесно в границах мятежной республики. Они двинули дальше, еще не понимая, что власть в России уже не та. И просчитались. Просчитались жестоко, бесповоротно.

– Чего смотришь с тоской в глазах, братушка? – спросил Медведь-Денисов, ставя на стол чашку с кофе. Вытащил из бара коньяк. Здесь всегда держали хороший коньяк на случай приезда Гермеса – генерала госбезопасности Богданова, отца-основателя «Пирамиды». Гермес не мог без небольших доз коньяка. Для него маленькие глоточки божественного напитка из серебряной рюмки – это ритуал.

– Вспоминаю, как мы уходили оттуда. И как мне хотелось вернуться, – произнес Влад.

– Теперь это не наша война. У нас другой фронт, – сказал Медведь.

– Не наша... И не нашего полка...

Действительно, прошлую чеченскую кампанию вытянул родной полк специального назначения ВДВ. На их плечи легло все – диверсионная работа, разведка вплоть до батальонной, сопровождение колонн. А когда доведенная до полной разрухи за последние годы пехота замирала перед наводненными боевиками населенными пунктами, на прорыв шли десантники и спецназ внутренних войск, порой вопреки всем нормативам, перли на находящегося в укреплениях противника, имея не научно обоснованный трехкратный перевес в живой силе, а, наоборот, уступая боевикам... И проходили там, где пройти невозможно, глушили хваленых, прославленных российскими журналистами бандитов, как рыбу в проруби. И гибли, хотя благодаря отличной выучке потери были куда меньше, чем у других частей, когда по пьяному делу палят друг в друга, а не во врага.

Но вторая война уже не была войной десантников. Спецполк ВДВ был практически выведен из игры и разгромлен еще до начала боевых действий в результате многоходовой комбинации турецкой разведки – руководство полка и самых боеспособных офицеров обвинили в

убийстве журналиста «Молодежной газеты», кинули в тюрьму, после чего полк перестал существовать как полноценная боевая единица.

Новая война велась куда более разумно, без былого шапкозакидательства и докладов о взятии населенных пунктов ко дню рождения президента. Не было колонн бронетехники, прущейся в миллионный город с укрепрайонами без разведки и боевого охранения. Не было молоденьких солдатиков, выстреливших по разу за службу и кинутых сразу в прорыв. Не было штурмов, когда в атаку шли по трупам. Было то, чего так не хватало в первую войну: мощная, неторопливая, убийственная работа бога войны – артиллерии, когда стопятидесятидвухмиллиметровые снаряды сносили с дорог чеченскую бронетехнику и долбили укрепленные доты. И все с любовью приготовленные чеченцами укрепления трескали по швам, пехота приходила, чтобы добить тех, кто еще шевелился, или взять в плен... И опять была битва за Грозный – на сей раз федералы брали город неторопливо, очищая квартал за кварталом, и под конец обманом вытянули основные силы боевиков на минное поле под видом предоставления за взятку коридора. Там Бес Ислама, главный ичкерский террорист, потерял обе ноги. Его ташили самые верные боевики, идя следом за воинами Аллаха и видя, как они подрываются на их глазах. Шли по этим кровавым следам. И вынесли гада!

Снова Грозный взят. Взятые населенные пункты. В них действуют комендатуры. Бои в горах продолжаются. Но зато теперь ясно – русский солдат оттуда не уйдет. Русский солдат вернулся туда на веки вечные.

– Включись, Влад, – хмыкнул Денисов. Он капнул в кофе граммов десять коньяка. – Вот теперь нормально. Будешь?

– Нет. – Влад старался не употреблять алкоголь ни в каком виде. На тренировках Мастер научил его ощущать токи и течения силы в организме. После алкоголя по каналам струилась не чистая энергия, а мутная жидкость.

– Вернемся к нашим делам... Тема у нас не такая масштабная, как Чечня, но не менее интересная... В общем, как тебе уже понятно из допроса, некий вор в законе Бандера собирает боевую группу. – Медведь выключил видеомagniтофон и телевизор.

– И что?

– Бандера обитает сейчас даже не в Семиозерске, а в городе областного подчинения – Болотникове.

– Кто он вообще такой?

– Бандера – это Михаил Николаевич Чупенко, сорока пяти годков от роду. Еще в застой ворочал огромными деньгами. И всегда оставался незаметным. Китайчик, Сильвер – о них уже все газеты писали. А Бандера в тени. И ворочает капиталами. И людей своих во власть проталкивает.

– Занятный субъект.

– Верно. И в такой дыре ему делать нечего. И таких высокооплачиваемых спецов по убийствам там собирать незачем.

– Но собирает.

– Значит, затевает там большие дела.

– Может, решил включиться в борьбу за нефтеперегонные заводы в области?

– Нет. Проверено. За заводы крупные московские финансовые группы бьются. Воров туда не пустили.

– Тогда что?

– Неделю назад мой агент в Семиозерске, сотрудник Управления по борьбе с бандитизмом, запросил срочную встречу. Он копал материал на Бандеру. Но не суждено...

– Что с ним стряслось?

– Застрелили на моих глазах. В центре города.

– Тебя не засекли?

- Нет...
- Что еще по Бандере?
- Есть прикидки. Его главное хобби – наркотики. Притом наркотики тяжелые. И есть намеки, что он приложил руку и к «елочке».
- «Елочке»?
- Не слышал? Новый наркотик. «Хит» года, если не десятилетия. Первое время нет ломки. Во время приема – эйфория. Подсевшие на него долгое время живут нормальной жизнью, не выпадают из общества. Но они быстро теряют волю и попадают от «елочки» в зависимость, перебороть которую практически невозможно.
- Синтетик?
- Да. Синтетик. Сверхсложное соединение. Главное удобство – в употреблении. Никаких шприцев, никакого едкого дыма марихуаны. Небольшая серая таблетка. Просто. Доступно.
- Как широко распространен?
- Пока незначительно. Такое ощущение, что поставщики приглядываются к будущему рынку. Среди наркоманов ходят неясные слухи, фантастические рассказы о «елочке». Но пробовали ее очень немногие. Хотя недавно была выброшена на рынок приличная партия.
- Значит, тут рука Бандеры?
- Пока это только предположение. Тебе разбираться – так это или не так.
- Жду объяснений.
- Объяснение одно – мы уже работаем по программе «Провинциалы». И ты – в ее центре.
- Новая программа?
- Считай, началась только что. Гермес утвердил план.
- У Гермеса нюх на самые актуальные темы.
- Он колдун, Влад.

Генерал в отставке Богданов, он же основатель и главный оперативный координатор «Пирамиды», еще во время службы в ГРУ слыл магом. Аналитик экстра-класса, он собирал вокруг себя людей, которые могли дать тысячу очков вперед любому астрологу. Они видели направления течений и ветров, движущих российский корабль, строили прогнозы развития событий, обладавшие жутковатой особенностью сбываться. Жутковатой – поскольку прогнозы эти звучали чересчур мрачно. Тем более из всех вариантов Россия упорно выбирала худшие.

В восемьдесят девятом аналитики Богданова расписали довольно точный сценарий на ближайшие несколько лет. Все шло к краху Советского Союза и раздроблению его на полтора десятка стран латиноамериканского типа, с разваленной экономикой и обороной. В докладе на имя министра обороны и председателя КГБ СССР предлагался ряд мер, которые могли бы стабилизировать обстановку. Из-за их жесткости приняты они не были, и шанс предотвратить большую беду оказался упущен. Впрочем, кое-что в доклад не вошло. Например, выводы, что эти самые предложения в любом случае не будут приняты, никто не возьмет на себя смелость сделать шаг и сдержать лавину, надеясь на русское авось и успокаивая себя словами «ученые эти еще и не то напридумывают».

Но все-таки кое-какие решения удалось протащить. Например, о создании на случай неблагоприятного развития событий собственных теневых политических, экономических и боевых структур. Так возник особо секретный проект «Олимп», его реализацию поручили Богданову. Он подбирал людей. Создавал базы. Внедрял агентов в государственные и коммерческие организации. И чувствовал, что не успевает. Что ситуация гораздо быстрее выходит из-под контроля. ГКЧП пришел почти на год раньше, чем предполагалось в докладе. Зато закончили его лидеры в точном соответствии с прогнозами. А дальше все пошло как по писаному – распад СССР, взрыв межнациональных конфликтов, развал Вооруженных Сил и органов государственной безопасности, крах промышленности и науки, распоясавшаяся оргпреступ-

ность и потерявшее всякую чуру коррумпированное чиновничество, длинная вереница алчных, убогих и вредных политических болванчиков.

Создать организацию, способную влиять на обстановку в государстве, Гермес не успел. Эх, если бы хватило времени, чтобы осуществить в полной мере задуманное... Но не хватило. Однако в девяносто первом он сумел перевести на себя значительную часть агентурной сети ГРУ и КГБ. И удалось так замести следы, что до сих пор по большому счету никто не верил, что «Пирамида» существует. А она существовала, организованная в лучших подпольных традициях – когда каждый агент знает только свою небольшую группу. И наращивала с каждым годом мощь. Она действовала по усмотрению Гермеса и высшего консультативного органа, состоявшего из аналитиков. Прошлогодняя война с «Синдикатом» дорого обошлась организации. Вынужден был уйти со своего поста Гермес, занимавший должность начальника управления «Контртеррор» Министерства обороны Российской Федерации. Погибли несколько оперативников «Пирамиды» и уничтожены кое-какие опорные точки. Но к сегодняшнему дню «Пирамида» восстановилась.

– Хорунжего мы склонили к сотрудничеству. Он поставил Бандере уже двух боевиков. Обещал третьего – специалиста по взрывным устройствам. Ты ведь хорошо владеешь минно-взрывным делом.

– Пока никто не жаловался, – хмыкнул Влад.

– Готовься к отъезду. Тебя ждут послезавтра в аэропорту Семиозерска.

Свой человек в логове противника – это глаза, уши, а то и руки. Без таких не обходится ни одна серьезная операция. Медведь предложил классический вариант внедрения – перехват настоящего посланца и его подмена своим человеком. Такая удача подворачивается нечасто, и грех ею не воспользоваться.

– Дан приказ ему на запад, – сказал Влад.

– На восток, Влад. На восток.

* * *

Вице-губернатор Яков Гопман предпочитал брать деньги наличкой. Сто семьдесят тысяч долларов он получил в чемоданчике, даже не особо заботясь о безопасности передачи. Он нисколько не сомневался: теперь бояться ему нечего.

Товарищество с ограниченной ответственностью «Гянджа» получило подряд на реконструкцию и эксплуатацию рынка в Красноармейском районе города.

Амаров сидел в офисе ТОО «Гянджа» и гладил ладонью свеженькое постановление со всеми подписями.

– Смотри, Сахиб. Все просто решается в этом городе. Родственные связи, традиции, совесть – все это ничто. Взятка – вот русский бог.

– А наш? – хмыкнул Сахиб Шарифов – крепко сбитый, с красивым смуглым лицом, в идеально сидящем костюме азербайджанец лет тридцати пяти, правая рука Амарова, глава его разведки и боевиков.

– Нет, Сахиб. Мы живем по правилам, которые складывались веками. У нас нет взяток. У нас есть знак взаимного уважения. Признание божественной сути власти. Уважать же этих клопов – как можно?

– Ваша правда, Ровшан Магомедович. – Шарифов склонил голову и чуть ли не щелкнул каблуками. Он сверху вниз смотрел на развалившегося на диване Амарова, но казалось, что смотрит он заискивающе снизу вверх.

– Правда всегда моя, – кивнул Амаров. – Что в городе?

– «Красноармейские» бандиты волнуются. Сходка вчера собиралась.

– Не нравится, что нам подряд на рынок дали?

– Они не дураки. Понимают, чем это им грозит.

– Твои люди говорят, что там порешили?

– Пока ничего. Некоторые предлагали нас разом под нож пустить.

– И?... – Хозяин пригладил усы.

– Кто поумнее, поняли, что в открытом бою с нами не сладить. Решили пока силы поднакопить. Хотят поддержкой других бригад заручиться. И устроить всеобщую атаку на Кавказ.

– Бей Кавказ – спасай Россию... Мечтатели. – Амаров сжал кулак. – Соплякам и бешеным ни куска от нас не достанется! Ни куска. Кроме куска веревки, чтобы повеситься!

Сахиб кивнул, принимая слова хозяина к сведению.

– А вот в общак с новых доходов платить надо, – продолжил Амаров. – И пятую колонию подогреть придется – там серьезные, солидные люди сидят. И местным ворами отстегнуть – святое дело.

– Бандера еще под боком.

– Бандера. – Амаров кивнул. – А вот это меня волнует. Бандера – это серьезно. Он-то умеет вырвать кусок сам и не ждет подачек.

– Пока что все куски у него.

– Ну, уже не все. И это пока... Знаешь, ведь Бандеру воры не любят. Считают высокомерным. И не совсем правильным. И боятся его.

– Правильно боятся.

– Боятся – не стыдно. Стыдно, когда, кроме страха, нет ничего. Нужно выждать момент, чтобы впиться в загривок врагу. И больше его не бояться...

– Правда ваша, – склонился Шарифов.

Амаров задумался. Наркотики! Для них нужен Красноармейский рынок – он плацдарм для того, чтобы взять под контроль торг наркотой по всему району. Кто хочет задавить косячка? Кому нужна марихуана? Или опий-черняшка? Пожалуйте туда. Необязательно покупать у азербайджанцев, если вы их не любите. Там торгуют и молдаване, и хохлы. Только доходы идут к дядюшке Амарову – доброму, набожному мусульманину. Главе азербайджанской общины.

Но по большому счету все это суета. Анаша – не предел мечтаний. Куда больше можно заработать на синтетиках, героине. Уж Амаров-то это знает. Сам приложил руку к созданию лаборатории по производству метадона в Баку. Это происходило несколько лет назад, когда СССР только распался. Москвы тогда еще боялись, и местные, бакинские, продали своих земляков русским неверным. Накрыли лабораторию. И поток метадона почти иссяк. Потом без поддержки Амарова началось изготовление и распространение триметилфентанила – есть такая дрянь, убойная сила в тысячу раз больше героина, раз пробуешь – и на всю жизнь к ней прирастаешь. Деньги выручили немалые, но действовала новая совместная русско-азербайджанская компания недолго – спалились и поставщики, и лаборатории.

Амаров всегда выходил сухим из воды. Пару раз его чуть не прихватили правоохранительные органы. А по триметилфентанилу даже арестовывали. Ничего не доказали. Потому что у этих псов из МВД съеденные от старости клыки. Они не могут сильно укусить...

Но прошлые неудачи подкосили Амарова – крупные финансовые потери, падение авторитета. Теперь он шел уже по новому кругу – завоевывал город, опять осваивал рынки, уличную торговлю наркотиками. Расширялся. Избавлялся от конкурентов. Гонял деньги по счетам, преумножая их и перекачивая за рубеж. Скупал коммерческие и производственные организации. Не так уж все складывалось и плохо. Но душа требует других масштабов.

«Елочка» – как только он узнал о ней, то лишился сна.

Вот она – перспектива, мечта. Он держал это чудо в руках. Сумел перекупить партию, запустить ее в оборот. Он сразу осознал – это бомба, способная взорвать рынок. Взрывы не только разрушают, но и создают. Этот взрыв перекроит все. Из его обломков родится нарко-

тическая империя... При одном условии – надо монопольно владеть секретом, производственным процессом, оборудованием, специалистами. А вот этого нет. Все это у другого хозяина.

Если чего-то нет, то сделай так, чтобы у тебя это было. Ставь цель и беги, иди, если нужно, то ползи к ней, сбивая в кровь колени, расшибая лоб от поклонов, хитря, унижаясь, – потом воздашь всем за все. Так учил Амарова его отец. А он знал толк в жизни.

– Как двигаются работы на рынке? – спросил Амаров.

– Только вчера технику начали завозить, – ответил Шарифов.

– Поехали, посмотрим.

– Я бы на вашем месте не выбирался сейчас в город, – озабоченно произнес Шарифов.

– Ты хочешь, чтобы враг считал, будто я прячусь по щелям, Сахиб? Ты не подумал.

– Да, я не подумал, – смиренно кивнул Шарифов.

– Машину во двор.

Амаров надел тонкий, почти невесомый и жутко дорогой пиджак, затянул галстук, провел рукой по щеке, на ней проступала небольшая щетина – не результат плохой бритвы и не неопрятность, а продуманный имидж доброго кавказского дядюшки.

Он вышел из кабинета. В просторной приемной к нему пристроились двое громил из охранного агентства «Кайман-М», финансируемого общиной.

Охранник первым выглянул в глухой двор за металлическими воротами в особняке фирмы. Профессионально огляделся. Место хорошее – трудно приладиться снайперу.

– Прошу, – кивнул он.

Амарова на всякий случай прикрывали с двух сторон телами. Не простая предосторожность. Пуля до сих пор сидит в его теле, врачи ее решили не трогать – опасно. В позапрошлом году во время очередной нарковойны ее послал боевик из бригады Гасанова. Спасибо кудесникам-хирургам из областной клинической больницы – вытащили с того света, заштопали, на ноги подняли.

Охранник открыл заднюю тяжелую дверь бронированного «Линкольна».

– Спасибо, сынок, – похлопал его по плечу Амаров и уселся на мягкое кожаное сиденье.

Ворота с натужным гудением отворились. И «Линкольн» резко рванул вперед...

* * *

Остаток дня Влад просидел на базе четыре. Через переговорник задавал вопросы Хорунжему и следил за ползущей по дисплею линией – показаниями детекторов лжи. Запоминал информацию с компьютера. При внедрении ничего нельзя упустить. Влад знал это прекрасно, поскольку уже играл в такие игры. А Медведь занимался этой работой долгие годы, еще в десантной разведке, потом в ГУББ, в «Пирамиде», и не имел ни одного провала.

– Чаще всего агенты горят на мелочах, – сказал Медведь, поглаживая клавиатуру компьютера и немножко расслабляясь.

Несколько минут – на законный перерыв. А потом по десятому кругу одно и то же.

– Да знаю, – отмахнулся Влад.

– Классический случай. Его всегда приводят в соответствующих учебных заведениях как пример. В тридцатые годы был направлен на задание в Швейцарию сотрудник ГПУ. Его снабдили железной легендой. Отличным прикрытием. Тогда Швейцария являлась проходным двором для разведок всего мира. И всех прибывающих негласно проверяла охранка. Проверили и его. И нашли в вещах ботинки со штампом «Хозобеспечение ГПУ».

– Байка.

– Истинная правда.

– Ладно, давай работать.

Они отработывали детали биографии человека, роль которого играть Владу. На подготовку оставалось очень мало времени. Использовали дежурную заготовку, отработанную заранее. И еще: Хорунжий сказал, что одно из главных условий, которое он оговаривает, поставляя бойцов заказчиком, – не интересоваться их прошлым. У большинства его людей оно вовсе не кристально чистое.

Самое худшее, что может случиться, – Влад наткнется на старых знакомых. Во время войны с «Синдикатом» он засветился – правда, не слишком сильно. Еще тогда возникла идея сделать ему пластическую операцию. Но он отказался. Засветился и в Чечне, и в Таджикистане, и в других локальных войнах. Правда, там тоже имена не называли. И среди боевиков у Бандеры вроде бы старых знакомых не было. Но риск все равно оставался...

Возвращался домой Влад ближе к ночи. Было без двадцати час, когда он оставил машину на платной стоянке. И направился по пустой улице мимо гаражей в сторону многоэтажек, айс-бергами торчащих из зелени деревьев.

У подъезда дома его ждали...

Влад ощутил толчок беспокойства еще до того, как различил в темноте этих людей. Их было трое. Они стояли в десятке метров от подъезда, рядом с мусорными баками. Они еще только увидели жертву и решили двинуться к ней, а Русич уже прикидывал раскладку сил.

Влад обогнул газон и шагнул на дорожку, ведущую к дверям дома. И эти трое устремились на цель. У них не хватило терпения. Обычно эти зубастые твари настигают добычу в подъездах, где та в полной их власти.

Влад услышал сзади себя шаги, пыхтение. Он не видел их, но знал, что они рванули вперед, боясь, что жертва пустится наутек.

– Э, мужик, огонька не найдется? – произнесли сзади такое привычное осипшим голосом.

Влад знал, как все будет. Он оборачивается и получает кастетом в челюсть. Или не оборачивается – и получает кастетом сзади по голове. Или припускается бежать, и тогда на нем виснут эти трое.

Что за публика – понятно. Никакие не киллеры, не подставка противника. Это ночные охотники. Мелкие грызуны. У них цель – наброситься на припозднившегося случайного прохожего, отметелить ногами, вырвать «дипломат» и забрать деньги. А деньги – это доза наркотиков или бутылка водки. Ну а еще им просто нравится упиваться своей силой и властью. Им хочется выплеснуть накопившуюся ненависть ко всему миру, раздавить первого попавшегося незнакомого человека, а потом забыться в дурмане.

Влад оборачиваться не стал. Он шел, как шел. Шаги зашаркали быстрее. Тень охотника легла на тень жертвы. Вот вскидывается рука с кастетом.

Пора!

Влад плавно ушел в сторону. И разом охватил картину боя. Против него – двое кавказцев, крепкие, жилистые, один в спортивном костюме «Адидас», другой в легких брюках и рубашке с короткими рукавами. И еще русский – машина, способная служить тараном и сносить что угодно и кого угодно, ростом с Влада, но в плечах раза в полтора шире. Желтая майка обтягивает мускулистый торс, мышцы играют. Красавец!

Высокий кавказец целил в голову массивным кастетом. И, к удивлению своему, промахнулся. Рука пролетела вперед. Влад мягким движением проводил ее, придал нападавшему ускорение. Тот начал клониться к асфальту. И Влад врезал ему в голову сложенной в лодочку ладонью – отработанный удар, отправляющий на несколько минут в отключку.

– Ну, сука! – Русский дылда выкинул достаточно резво ногу вперед. По замыслу, удар должен снести типа, имевшего глупость сопротивляться и тем самым обрекшего себя на отметеливание по первому разряду.

Эх, чего не хватало Владу для разрядки – так это доброй драки!

Мягкий блок – как положено в русском бое. Нога дылды будто попала в вязкую жижу. Влад обтек противника, сделал волнообразное движение, захлестнул ногу, подтолкнул, придал ускорение. Дылда рухнул на спину увесисто, как мешок с дерьмом. А Влад, продолжая замысловатое движение, опустил колено на грудную клетку лежащего человека. Хрустнуло. Перелом трех ребер гарантирован. Продолжая движение и поднимаясь, Влад мощно проехался каблуком по голове. Теперь парню предстоит месяца два на больничной койке и долгие проблемы со здоровьем. На войне как на войне.

Влад видел поле боя в целом, не упускал ничего. В том числе и третьего бандита. И не зря – кавказец был вооруженным. Откуда-то из складок своего спортивного костюма он выудил ствол.

Шантрапа совсем распоясалась – идти с пистолетом на уличный гоп-стоп. Не по чину!

Влад по широкой дуге стремительно сблизился с кавказцем. Тот только поднимал пистолет. Влад небрежно вырвал оружие, отбросил в сторону и прижал захватом разбойника к себе. Из рта негодяя отвратно пахло гнилыми зубами.

– Ну что, брат? Жить-то хочется? – улыбнулся зловеще Влад.

– Ай, нэ надо, – заскулил кавказец.

– Надо. – Влад небрежно развернул его, ударил ребром ладони по ключице – она хрустнула, как ветка.

Кавказец упал на колени.

– Это твоя поза, прирожденная, козлопас, – сказал Влад, беря его за волосы.

Занес другую руку.

– Нэт, – прохрипел кавказец.

Влад пригнул его голову и ударил размашисто по почкам – очень точно, под определенным углом. Тоже на лекарства, если не на инвалидность.

Жалости Влад не испытывал. Это война. Мелкие грызуны должны знать свое место, должны чутать, что могут напороться на силу. И прощать он им ничего не собирался. Окажись на его месте кто другой, сейчас бы уже лежал в крови, ограбленный, униженный, изувеченный. Сколько их расплодилось в городе, этих крыс. Нужна хорошая санэпидемстанция, чтобы выкурить их из всех нор, раздавить к чертовой матери без всякой пощады.

Через несколько минут они очухаются. Доползут на карачках до своих пропитанных сивушным духом, дымом наркотиков загаженных квартир. И запомнят преподнесенный урок на всю жизнь.

– Мразь, – брезгливо произнес Влад, нагибаясь над распростертым телом.

Он обшарил их карманы. Там лежали смятые деньги, перочинный нож. У одного кавказца имелся еще и паспорт. Влад на всякий случай забрал его. Потом подобрал пистолет. Топорную самоделку – гладкоствольную машинку под патрон девять миллиметров, оружие дрянное, но способное продырявить с маленького расстояния.

– Не случайте, – кинул Влад.

И направился к дверям подъезда.

Завтра надо менять квартиру. Он уезжает. А оставлять Настю одну здесь нельзя. Кто знает, может, эта шантрапа решит свести счеты. Правда, больше шансов, что они этот двор за тысячу миль будут обходить, но кто заглянет в душу отморозка? Какие в ней черти водятся? Какие мысли в тупом, злобном, одурманенном наркотой и самогоном сознании?

Влад вошел в подъезд. Перевел дыхание. Вдохнул глубоко. Выровнял сердцебиение. Да, это не противники. Все равно что тараканов каблуком давить. Вот с Мясником в прошлом году – это бой был. Загляденье! Классика рукопашки. Только знающих зрителей не нашлось. Бились насмерть. И Влад вышел победителем. А Мясник – это вам не какой-то накачанный и напичканный стероидами чемпион по боям без правил. Это всеокрушающая машина убийства.

Он легко взбежал на восьмой этаж. Открыл дверь ключом.

– Настя. Я пришел.

Он скинул туфли и прошел в комнату. Настя сидела за компьютером, вела какие-то расчеты.

– Я уезжаю, – сказал он.

На лицо Насти напозла тень.

– Когда вернешься? – спросила она.

– Не знаю.

Настя не задавала вопросов – куда он уезжает, зачем, почему? Она знала – ей все равно не ответят. Но на один вопрос она имела право: когда вернешься? Этот вопрос был магическим. Он подразумевал, что ее любимый вернется обязательно. Рано или поздно. Она хотела убедить в этом и себя, и его.

– Ребята за тобой присмотрят. – Влад уселся на диван.

Настя выключила компьютер и присела рядом. Влад притянул ее к себе, погладил ласково по плечу.

– Оставляю тебя на Денисова и Леху. Без их ведома никуда не выходи.

– Хорошо.

– Наверное, придется квартиру сменить.

– Опять?

– Ничего не поделаешь.

– Влад. – Она вздохнула, прижалась к нему.

– Ну что ты, родная?

– Нет, не обращай внимания. Я в порядке. – Она отвернулась, чтобы он не увидел слез, блеснувших в глазах.

– Ну, совсем расклеилась, – покачал он головой и легонько коснулся пальцем ее носа. – Так нельзя. Я, можно сказать, даже не в командировку, а на курорт. На отдых за счет фирмы. Жалко только, тебя взять не могу – не положено.

– Ах, на курорт, – через силу улыбнулась Настя. – Секретаршу небось тоже выдали?

– Ну что ты! Как ты такое могла подумать? На месте выдадут. По каталогу.

– Во. Он на море к шалавам, а я кукуй у окошка.

– Работа такая.

– Работа. – Настя моргнула, и слеза все-таки покатила по щеке. – Я буду молиться. Ты помни, что я постоянно думаю о тебе.

– Я помню.

Что за командировки у Влада – Настя предполагала. Она знала, что ее муж – воин. Настоящий русский воин, прошедший через горнило многих пожарищ. Он защищал людей и бил врага в Таджикистане, Чечне, бился насмерть с нечистью в Москве. Такова избранная им самим судьба.

Настя провожала любимого на войну – без нытья и упреков, без истерик и обвинений. Так с седых времен провожали своих мужчин на войну настоящие русские женщины – не призывали устроиться в обозе или не высовываться, а желали только удачи в бою да чести ратной. Они знали, что их мужья, братья, сыновья идут защищать Родину. А женщины должны беречь очаг и растить детей. И испокон веков молились русские женщины перед образами, чтобы вернулись мужчины с войны. И седили, когда получали похоронки. И мерк свет. И несли они всю оставшуюся жизнь свою память. Или, если давал бог, плакали от радости, когда мужчины приходили с битв.

– Влад, ты для меня все. – Она прижалась к нему.

– Я люблю тебя. – Он бережно, будто боясь повредить неосторожным движением, прижал ее к себе. – Господи, как же я тебя люблю, – повторил он.

* * *

– Тараканов приехал травить? – прищурился вор в законе Бандера – тучный мужчина с красным бугристым лицом.

Крошечные его глазки пристально разглядывали гостя, будто приценивались к нему.

– Ты о чем? – удивился Жиган.

– От тебя одеколоном каким-то поганым за версту несет. Купался в нем?

– Хороший одеколон, – обиделся Жиган. – За двести баксов.

– Любишь хорошо пожить, – прищурился вор в законе, продолжая обшаривать взором Жигана, его новый, моднящий, ниспадающий мягкими складками французский кремовый костюм.

– Красиво жить не запретишь, – хмыкнул Жиган.

– Запрещу, если понадобится... Присаживайся, странник, – сделал приглашающий жест Бандера. Сам он расположился около камина в глубоком кресле, мягко обволакивающим его массивную бесформенную фигуру.

– Благодарствую. – Жиган примостился на диване, закинув ногу на ногу и поправив брюки на коленке.

Они находились в просторном зале с высокими лепными потолками. На тяжелых дубовых дверях сияли вычищенные медные ручки. В углу под тяжелым зеркалом стоял столик на гнутых ножках. Наследство коммунистов сохранялось и преумножалось.

У окна стоял и смотрел на аллею высокий атлет с хмурым, недружелюбным лицом, испещренным глубокими шрамами. Он напоминал эдакого закаленного лихого рубаку, прошедшего с ружьем, в пробковом шлеме через колониальные войны. Это примерно соответствовало действительности. Это был Алтаец – главный «силовик» организации.

– Ну что, столичная штучка, поведай, как там Златоглавая? – потребовал Бандера.

– Цветет и пахнет. И «елочки» заждались, – белозубо улыбнулся Жиган.

– Вся партия разлетелась?

– А там было-то всего. – Жиган пренебрежительно махнул рукой. – По отзывам – спрос нам грозит гигантский. Торчкам, улетевшим от «елочки», весь другой кайф не катит. Героин, кокаин, метадон – все в утиль. Эра «елочки», Бандера. Это тебе не шуточки!

– Ты хоть осторожно работал? – подозрительно спросил Алтаец.

– Как штандартенфюрер Штирлиц. Ни одна сука легавая на меня не выйдет.

– Все-таки зря мы сейчас вылезли. – Алтаец нахмурился еще больше. – Не время.

– Время, – отмахнулся Бандера. – Что нам, самим эту дурь жрать? Пора думать об обороте. О рекламе... Теперь те, кто надо, знают, что мы имеем на руках.

– Милиция переполошится, – настаивал Алтаец.

– А, до них пока дойдет, – отмахнулся Жиган. – Кроме того, многоступенчатая передача. До нас через тысячу лет доберутся.

– Перестраховщик ты, Алтаец, – заворчал вор в законе.

– Перестраховщик, – кивнул Алтаец, пододвинул стул и уселся на него – прямо как кол проглотил. Он не признавал мягкой мебели и не умел с комфортом расслабляться. – Потому и живой.

– Надо, надо в люди с «елочкой» идти, – горячо произнес Бандера.

– Вот и выходят все кому не лень, – усмехнулся Алтаец.

– Чего ты гонишь? – Вор в законе уставился на него.

– Мне только что весточку принесла сорока на хвосте. «Елочка» объявилась в Санкт-Петербурге.

– Жиган, это что? – Бандера провел рукой по сразу вспотевшей шее. – Кто-то перекупил партию?

– Вряд ли. Я все в московский оборот пустил.

– Немало «елочки», – продолжил Алтаец. – Краденое всплыло, Бандера.

– Дюк! – хлопнул в ладоши вор в законе. – Он!

– Скорее всего товар, который он у нас позаимствовал, – сказал Жиган.

Дюк, один из близких подручных Бандеры, в последнее время наделал массу непрости-тельных ошибок, растерял уважение хозяина и чувствовал, что является кандидатом на увольнение. Увольняемым из организации выдавали подарок от коллектива – парочку гирь. Не для того чтобы пенсионеры поднимали их на досуге, а чтобы не всплыли ненароком со дна озера или речки – кому как повезет. Дюк резонно подозревал, что все идет именно к такому финалу, поэтому два месяца назад обокрал своих товарищей и исчез с партией только что приготовлен-ного порошка-полуфабриката, предназначенного для производства «елочки», и чуток самой «елочки». Он нанес ущерб минимум на миллион долларов по рыночным ценам.

Как его искали! Сколько сил потратили! Двоим его приятелям подарили двухпудовые гири и отдых на дне пруда. Ничего – ни Дюка, ни «елочки». И вот пожалуйста – выплыл про-павший наркотик.

– И торгуют «елочкой» азеры, – завершил Алтаец, после чего на пару секунд повисла тишина.

– Так и знал, Амаров! – крикнул Бандера так, что казалось, кабанья голова, висящая на стене, рухнет.

– Похоже, – кивнул Алтаец.

– Ну все, доскакался, вошь платяная, – с угрюмым удовлетворением сообщил вор в законе, прикрывая глаза.

– Вчера на моего человека азеры выходили. Встречу предлагали. Амаров и ты, – продол-жал сыпать новостями Алтаец. – На нейтральной территории.

– Ты мне это только сейчас говоришь?

– Я же полчаса назад из Семиозерска приехал. Вместе с Жиганом.

– Зачем «стрелка»? Что делить?

– Увидим.

– Предлагаешь встретиться? – испытующе глянул на своего ближайшего помощника Бан-дера.

– Думаю, стоит.

– Надо выяснить, что у «мамедов» на уме, – поддержал Алтайца Жиган.

– Ладно. Договаривайся, – махнул рукой Бандера.

* * *

Влад взял с собой один чемоданчик. В нем – минимум вещей. Одежду подбирал явно не для светских раутов – крепкие джинсы, простые хлопковые рубашки. И кимоно. «Куда без кимоно? – с усмешкой подумал он. – Надо же крутость показать».

Чемоданчик он в багаж не сдавал. И тот теперь мешал выбраться из салона «Ил-86». Как обычно, в проходах между рядами кресел образовалось столпотворение. Влад сидел в крайнем к проходу кресле, поэтому пришлось вливаться в поток, чтобы не задерживать суетящихся соседей. Люди будто боялись куда-то опоздать и тупо перли вперед.

– Осторожнее, – галдели вокруг.

– Что вы лезете?

– Ой!

– Подождите, вы мне ногу защемили.

– А вы чулок зацепили своим чемоданом!

Влад ощутил прикосновение к спине, рефлекторно ушел в сторону. Рука, толкавшая его в спину, пролетела вперед. Споткнувшаяся женщина падала на пол. Он мягко выгнулся и подхватил ее, не давая упасть.

– Спасибо. – Она удивленно посмотрела на него. Она стала свидетельницей воистину акробатического трюка.

Специалист по русскому бою работает на рефлексх. Кожа ощущает касание, а тело начинает действовать. Несколько лет назад проводили эксперимент: мастеру русской рукопашки неожиданно тыкали ножом в спину – и человек чувствовал касание и уходил в сторону так, что отделялся легкой царапиной. Влад мог еще и не такое.

Он одернул себя. Все, с этого момента надо скрывать свои навыки. Ни к чему знать о них окружающим.

На площади перед приземистым серым зданием аэропорта раскинулась автостоянка. Раньше здесь стояли все, кто хотел, и ждали всех, кого хотели. Сегодня процесс решили окультурить и привести в соответствие с рыночными реалиями. Теперь с водителей брали плату за стоянку.

Влад высмотрел серую «Волгу», номер подходящий, как оговорено.

Опершись о капот, читал эротическую газету, шмыгая носом, плюгавенький мужчина с ключковатыми усами. На его руках разноцветными татуировками запечатлелась его богатая событиями биография.

– Ждешь? – спросил Влад.

– Жду. – Шофер окинул его испытующим взглядом.

– Кого ждешь?

– Хорошего человека с добрым приветом.

– Это я. Простой московский фраер.

Был произнесен пароль.

– Садись, бродяга, – кивнул татуированный.

Влад устроился на переднем сиденье в прожаренном солнцем салоне «Волги». Машина тронулась. Выехала на шоссе. И резко набрала скорость. Шофер вел ее легко и виртуозно, не слишком считаясь с правилами. Чувствовался профессионализм.

– Гонщик? – спросил Влад.

– Был. Пятнадцать лет назад.

– А потом? Был гонщиком – стал угонщиком? – Влад кинул взгляд на синюю аббревиатуру на жилистом запястье – «ТУЗ». Она означала «тюрьма уже знакома».

– Да мало ли. – Водитель искоса посмотрел на мощную фигуру Влада. – Пахан будто мясазаготовки объявил. Один здоровее другого приезжают. И где вас таких быков племенных выращивают?

– Сами вырастаем. На казенных харчах.

– Армия?

Влад не ответил.

– Понимаю. Умолкаю, – оторвав руки от руля, помахал ими водитель. – Я тоже на казенных харчах вырос. Пайка называется. Только, видишь, до твоего не дорос. Рацион не тот.

Внутри Влада была сжатая пружина. На плечах лежала тяжесть, а в желудке пустота. Больше всего пригибала к земле неопределенность. Вроде все продумано – но все равно ощущение, как у шахматиста, когда фигуры расставлены, но первый ход еще не сделан. Точнее, Влад сделал первый ход, знал, каким будет ход противника. Но как дальше будет развиваться партия и чей король падет первым – это как судьба карты раскинет. Пока внутри вакуум, кажется, что вообще ничего не получится и вся затея дурацкая... И еще точит страх – маленький такой, холодненький, противный. И ручной – Влад умел с ним обращаться жестко, доста-

точно цыкнуть хорошенько, чтобы он забрался в темный угол... Ничего, главное – начать работу. А потом само пойдет – и мозги включатся, и рефлексy, как после команды «пошли», когда получаешь отмашку и прешь на укрепленные позиции противника, руководствуясь древней, простой логикой – или ты, или они...

– Далеко едем?

– За Болотниковом пять километров.

– Это еще что за медвежий угол?

– Райское место. Сто тысяч жителей. И все нас любят.

– А мы? В землянку?

– В землянку. Скажешь тоже, – хмыкнул шофер.

Когда через час они подъезжали к металлическим воротам, за которыми открывался поросший соснами участок, Влад вынужден был согласиться – непохоже, что тут живут в землянках.

* * *

«Эти милые кудряшки» – доносились из общего зала слова раскрученного до небес хита звездюлины эстрады Люды Кош.

Бандера и Амаров сидели в уютном кабинете хозяина пивбара «Огонек». Отдельные апартаменты для посетителей здесь не предусматривались, поэтому хозяина просто попросили погулять. Время от времени этот кабинет использовался для добрых разговоров между представителями самых различных преступных группировок.

Рядом с пивбаром на стоянке стояли «Линкольн» Амарова и машина прикрытия. Поодаль выставился Алтаец со своими ребятами. Начнется разборка – ни одной стороне не поздоровится. Да еще в двух кварталах находится районное управление внутренних дел. Нет, сегодня разборки не ожидается. Просто состоится беседа за кружкой пива между главарями азербайджанской общины и организации.

Амаров привез с собой техника, который обшарил кабинет с детектором на предмет прослушивающих устройств.

На столе стоял кувшин с пивом, две кружки, блюдо с красными раками и ваза с яблоками и ананасом.

– Раньше в любом пивбаре раков было полно, – сказал Амаров, отделяя мясо от панциря. – А сейчас – дороже осетрины.

– Раки не выносят грязной воды, Ровшан. А где теперь чистая вода? – спросил Бандера.

– Мир меняется, – вздохнул азербайджанец. – Он становится бешеным, грязным, шумным. Это уже не наш мир. Эх, где наша молодость, Михаил?

– На Колыме.

– Ха, – усмехнулся Амаров.

Вор в законе любил пиво и приканчивал вторую кружку. Для его комплекции и пять кружек – не беда. А в его толстенных и тупых, как обрубки огородного шланга, пальцах небольшие красные раки смотрелись тараканами.

– Что-то в гости на захаживаешь, Ровшан, – вздохнул Бандера. – Возгордился.

– Я бы рад. Ты мне как брат. – Амаров отхлебнул пива. – Но «шестерки» твои от рук отбились. Меня не уважают.

– Как же такое возможно?

– Знаешь, прислали мне друзья из Москвы посылочку. – Азербайджанец откинулся на спинку кресла и подставил руку под поток холодного воздуха от кондиционера. Сегодня на улице стояла жара, и кондиционер в кабинете был кстати. – Маленькая такая посылочка. А милиция забрала ее.

– Да что ты? – покачал головой Бандера.

– Взяли, потомки ишака, чтоб их дети с хвостами родились!

– Дорогая посылка?

– Дорогая...

«Вот нелегкая! – подумал вор в законе. – Как он узнал об этом, черт усатый?!»

– Если дорогая, то жалко.

– А еще жальче, что «шестерки» твои заложили. И тебе ведь не сказали. Я бы поучил лакеев. От рук отобьются и тебя продадут.

– Что за базар, Ровшан? – недовольно поморщился Бандера. Его быстро утомлял дипломатический этикет, и он не мог долго сдерживать свой нервный, злой нор.

– Твои «шестерки» ментов на мой груз навели.

Так и было. Людям Бандеры пришлось срочно откупаться от уголовного розыска. И они сдали случайно попавшую к ним информацию о партии наркотиков, которую азербайджанцы получали из Москвы.

– За базар ведь отвечать надо, Ровшан. Такая предьява! Ты ее и обосновать можешь?

– Бандера, я же не мент. Мне тебя колоть не надо. Просто нехорошо так.

– Ах, нехорошо, – кивнул вор в законе. – Скажи тогда, откуда «елочка» в Питере?

– Какая «елочка»?

– Твои притаранили ее в Питер. – Бандера покраснел и подался к Амарову. Тот спокойно приглаживал усы. Он имел неистощимые запасы самообладания. – А вот это действительно крутой навар! И тебя там не должно быть!

– Зря злишься, дорогой. «Елочка»... Помню. Нам продали. Мы купили и тоже продали. Право имели.

– Ты купил то, что украли у меня. Дюк тебе «елочку» продал?

Амаров неопределенно пожал плечами.

– Он, петух! – Бандера сжал кулак.

– Не о том говорим. Важно не то, что прошло. Важно то, что будет.

– И что будет?

– Дело большое. Дело серьезное. Я старый мудрый горец, Бандера. Я понимаю, что такое «елочка». Ты один ее не поднимешь. С друзьями веселее.

– Уж не в компанию ли метишь?

– У меня лучшие каналы. Лучшие распространители. Процент возьму божеский.

– То есть что-то и мне оставишь. На бедность, да?

– Почти все оставлю... Доставка, реализация, оптовая и розничная торговля – все в наших руках, – Амаров взял с вазы яблоко и начал резать его ножом с красивой инкрустированной перламутровой ручкой. – Тебе же нужно заново всю систему создавать. Больше потеряешь... И еще – канал на Восток открою. Ты знаешь, какие это деньги, Бандера.

– Ах ты, басурманья душонка, – вскипел вор в законе. – Ты что, хозяин здесь? Вот он, хозяин! Вот! – Он ударил себя в грудь. И сжал кружку так, что казалось, сейчас опустит ее на голову собеседника.

Но Амаров знал – Бандера никогда не сделает этого. Нрав у него, конечно, дурной, но контролировать себя вор в законе умеет. Иначе был бы мертв давным-давно.

– А я думал, ты мой брат, – вздохнул Амаров.

– Ишак горный твой брат.

Азербайджанец слегка побледнел, но тут же овладел собой.

– Эх, Бандера. Нехорошо говоришь. Некультурно. Язык твой – враг твой. – Он с силой вонзил нож в полированный стол. И поднялся с кресла.

* * *

Когда Влад шутил, что едет на курорт, был недалеко от истины. Дом, служивший Бандере базой, в недавнем прошлом принимал гостей хлебосольного обкома партии. Потом в процессе борьбы с привилегиями он долго переходил от одной жульнической организации к другой. В этот период здесь закатывались такие буйные оргии, что чертям становилось тошно и они в испуге хоронились на дне бескрайних окрестных болот. Сюда пару раз съезжались «голубые», снимавшие обкомовскую дачу для своей международной тусовки. Потом на эти владения наложила руку мафия – она получила дачу в нагрузку к городу.

Металлические ворота со скрежетом разъехались. В будке сидел охранник, вооруженный помповым ружьем. На шевроне его комбеза значилось «Охранное агентство «Ламэкс», похоже, ружьем он владел на законном основании. И Влад готов был биться об заклад, что в будке есть оружие посерьезнее.

– Привет, Гусь, – махнул рукой шофер. – Привез тебе кореша.

Охранник внимательно, цепко рассмотрел гостя. Позвонил по телефону.

– Проезжай, – кивнул он не особенно дружелюбно.

К дому шла бетонная дорога с фонарями по краям. По обе ее стороны простирался ухоженный участок, заросший соснами. Здесь не было плебейских фруктовых деревьев, грядок. Это место предназначено для расслабления души и тела. Таким оно задумывалось, таким и оставалось.

Влад отметил опытным взором датчики лучевой сигнализации, пару видеокамер. Поверх забора шла колючая проволока. К охране объекта относились со всей серьезностью.

Машина остановилась на площадке перед старомодным двухэтажным домом, похожим на барскую усадьбу. За ним шли пристройки и помещения для прислуги, в которых проживала боевая дружина Бандеры.

– Круто, – искренне оценил Влад.

– Это тебе не как раньше разбойники в пещерах жили, – произнес водитель. – Одни воры законные на других сменились.

– Эти с нар, а те из кресел – не поймешь, какие злей, – хмыкнул Влад.

– Сам сочинил?

– Высоцкий.

– Голова был... Сейчас доложим. Подожди. – Шофер захлопнул дверцу и направился в дом.

Влад прошелся по площадке, погладил иголки красивой голубой ели. Он отметил, что обкомовскую дачу содержали в образцовом порядке.

– Пошли, – сказал вернувшийся шофер. – Бугры в отъезде. Я тебя определяю.

Он махнул рукой и повлек Влада не к парадному входу, а к пристройке.

Они прошли узкий коридорчик с несколькими дверями. Прислуга, охрана обкомовских шишек относились к людям второго сорта, их баловать не обязательно и даже вредно, а потому все здесь выглядело достаточно скромно.

– Во апартаменты. – Шофер отпер дверь и пропустил Влада в тесную комнату, в которой стояли узкая кровать, платяной шкаф и кресло. – Не «Метрополь», конечно... Но и не камера.

– Сойдет.

– Вот за это вас, армию, уважаю. Вам все сойдет... В общем, сиди здесь, на обед позовут. Жди.

– Жду.

– Кстати, Серега. – Шофер протянул татуированную руку.

– Геннадий, – назвался Влад преподнесенным ему, уже которым по счету, именем.

– Давай, армия.

Влад остался один. Внимательно осмотрел комнату – благо времени на это много не понадобилось. Помещение занимало метров восемь квадратных. На стене висело радио. Запоры на дверях отсутствовали, похоже, уединение здесь не поощрялось. Следов микрофонов и видеокамер на первый взгляд он не обнаружил. Но это не значит, что их нет. Плевать, пусть смотрят и слушают сколько душе угодно. Человеку с чистыми помыслами скрывать нечего. Вот он весь перед вами, новый работник, готовый к труду и обороне. Открытый, трудолюбивый русский парень, умеющий взрывать мосты и стрелять из всех видов оружия. Только заказывайте и платите деньги. Истинный «дикий гусь» – солдат удачи.

Влад улегся на мягкую узкую кровать. Ну вот он и здесь. Первый этап внедрения прошел успешно – он пробрался в логово противника. И пока его не собираются убивать – добрый признак. Правда, еще предстоит доказать, что он тот, за кого себя выдает. И чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения.

Задачи внедренному в организацию противника сотруднику поручают самые различные. Здесь и получение информации, и смещение акцента в деятельности организации, ее дискредитация и даже развал, а то и полное уничтожение. Какую задачу возложат на Влада – пока еще неизвестно. Недоставало главного – начальной информации. Задачи определяют наверху «Пирамиды». Русич их должен выполнять, не щадя себя.

Он прикрыл глаза. Ему не совсем нравилось его состояние. Слишком большое внутреннее напряжение. Что-то рановато. Надо расслабиться. Прийти в соответствие со Вселенской Тишиной, как учил Мастер.

Влад уплывал куда-то по мягко катящим волнам. Проваливался в зыбкое и блаженное состояние между бодрствованием и реальностью.

В полчетвертого в комнату без стука вошел двухметровый здоровяк – все в таком же комбезе с эмблемой охранного агентства.

– Вставай, смертник, – сказал он, угрожающе махнув короткоствольным автоматом, висевшим у него на плече.

– Что за аврал?

– Шевелись! Быстрее!

* * *

Джип оставил позади трехметровый уродливый пограничный знак с надписью «Семиозерск» и устремился вперед по скоростному восточному шоссе. За ним летела машина с охраной.

Жиган умело рулил тяжелой машиной. На заднем сиденье с комфортом расположились Алтаец и Бандера.

Вор в законе был зол. Разговор с азербайджанцем вывел его из себя. Кто знал Бандеру, мог без труда угадать, что сейчас его мозги заняты планами уничтожения конкурента. Мозги он имел неплохие, и планы в них роились изощренные. Этот человек обычно добивался своего.

– Он себя ощущает эмиром Семиозерским, – прошипел Бандера.

– Имеет основания, – хмыкнул Жиган.

– Что за голос из параша? – тут же накинудся на него Бандера. Голова его отяжелела от пива.

– Есть оптимисты и реалисты. Реально – он набрал мощь. Губернатор с его руки ест.

– Кстати, Амаров у вице-губернатора и местной администрации выторговал себе рынок в Красноармейском районе, – вставил слово Алтаец.

– Наслышан, – скривился Бандера. – Как у себя в горах живет.

– Теперь котел кипит. Красноармейские считают, что Амаров на их каравай хайло раззавил, – сказал Жиган.

– Правильно считают.

– Азер сейчас попытается заручиться поддержкой в пятой колонии, – Жиган глубже вдавил педаль газа. – И у пары воров поавторитетнее. На подмазку большие деньги выделил.

– Интересно, «красноармейцы» будут его давить? – задумался Бандера.

– Для них эта затея беспонтовая, – отмахнулся Жиган.

– Силенок не хватит, – поддержал его Алтаец, задумчиво глядя на проносящиеся за окном машины одноэтажные облупленные деревянные домишки, унылой чередой выстроившиеся вдоль дороги.

– А если им помочь? – спросил Бандера.

– Не время нам с азербайджанцами в открытую воевать, – поморщился Алтаец.

– Что, не выдюжим?

– Трудно сказать.

– А зачем я столько денег на твоих солдат трачу?

Алтаец не ответил. Он имел привычку не реагировать на дурацкие вопросы.

Бандера запыхтел. Когда он нервничал, его дыхание становилось астматически сиплым. Лицо покраснело еще больше.

– А как такой вариант? – предложил он. – Амаров попадает в засаду. И летит его душа к гуриям в рай.

– Героически гибнет, – хмыкнул Жиган.

– Не героически, а как блядь плечевая, – возразил вор в законе. – Списывается все на «красноармейцев».

– Как списывается?

– Трудно ли умеючи? И пускай мамеды «красноармейских» отморозков мочат. Окружающую среду облагораживают. Мы со стороны наблюдаем. И ни при чем.

– Можно подумать, – кивнул Алтаец.

– Жиган, ты за рулем, а не за штурвалом! – прикрикнул Бандера. – С обочины слетим!

Джип неся с бешеной скоростью и обгонял машины одну за другой.

– Какой русский не любит быстрой езды, – улыбнулся во весь свой белозубый рот Жиган.

– Русский. Морда румынская, – хмыкнул Бандера.

– Зато какая морда. Красивая. Внушающая доверие.

– Все, зажурчал, как вода в сортире, – недовольно буркнул вор в законе.

– А вас мысль не посещала, что базар у азера не совсем дешевый был?

– Ты о чем, Жиган? – нахмурился Бандера, вцепляясь пальцами в подголовник и дернув на себя так, что голова Жигана мотнулась.

– А что, если азеров в долю взять? Действительно, таких возможностей, как у них, по транспортировке и реализации наркотиков нет ни у кого!

– Та-ак, – протянул Бандера.

– А чего, я не прав? – Жиган сбросил газ, и стрелка на спидометре сползла до отметки восемьдесят километров в час.

– Ты хорошо подумал, Жиган?

– А чего, Бандера? Я что думаю – то говорю. Все лучше, чем камень за пазухой держать.

– Ты когда-нибудь слышал такое слово – принцип?

– Читал. В словаре устаревших слов.

– Глянь, Алтаец, какого кадра вырастили, – усмехнулся вор в законе. Долго он злиться на Жигана не мог. Волны обаяния, исходившие от него, глушили агрессию пахана и действовали успокаивающе.

– А чего, не прав?

– Не прав. Принципы, Жиган, – это святое, – улыбнулся Бандера.

Он лукавил. Сам он со всеми принципами расстался в далеком детстве. Единственное, что признавал, – это право силы и хитрости. Всю жизнь извивался, кидал людей, как карты, приближал к себе, отдалял, продавал, убивал. Всю жизнь он, одинокий зверь, мчался по узкой тропке. С одной стороны скалились недруги и конкуренты из блатных. С другой стороны стояли с топорами, факелами и кольями менты – тоже загонщики. Больше всего Бандере нравилось переключать их внимание со своей персоны друг на друга. Таскать жар чужими руками. А тут уж не до принципов. Но на досуге он любил порассуждать о морали, нравственности и святости воровского закона, о который он давно вытер ноги и о котором вспоминал, лишь когда это было выгодно.

– Союзу с черными не быть, – сурово порешил Бандера с пафосом античного героя. – Дай им палец, руку вмиг заглотят!

– Производство-то у нас останется.

– Жиган, ты дурачок? Они сделают все, чтобы прибрать его к рукам. И пройдут по нашим трупам.

– Это не так легко.

– Но и не настолько сложно, – нахмурился Бандера. – Отсюда вывод – надо пройти по их трупам.

– Готовим акцию? – деловито осведомился Алтаец.

– Готовим. Я хочу, чтобы Амаров умер.

* * *

– Быстрее, – прикрикнул верзила, отодвигая автомат за спину. – Полковая кухня приехала.

– Перловка? – спросил Влад.

– Перловку еще заслужить надо, – саркастически усмехнулся верзила.

– Пошли. – Влад поднялся с койки.

Коридор вильнул и вывел в просторное помещение. Его центр занимал бильярдный стол. В одном углу находилась стойка бара – настоящего, как положено, с длинной батареей бутылок разных форм. В другом – примостилось несколько столиков. Здесь же чернел метровым экраном телевизор «Сони», рядом на столике видеомаягнитофон «Панасоник». Похоже, это место являлось и столовой, и клубом, и питейным заведением, где можно от души надраться.

На покрытых белыми скатертями столиках расположились высокие бокалы и столовые приборы. Все выглядело казенно отлаженным, общепитовски обыденным, трудно представить, что это место – не что иное, как воровская малина и правит ею известный вор в законе Бандера.

Три столика оказались заняты. За ними сидели по два-три человека. Когда шофер говорил о «мясозаготовках», то был прав. Действительно, парни здесь собрались как на подбор – мощные, способные ломать челюсти и кости. Трое из присутствующих явно прошли тюремную школу. Остальные походили на военных или спортсменов-профессионалов.

Новенького встретили изучающие, настороженные, подозрительные или откровенно насмешливые взоры.

Влад уселся за свободный столик.

К нему подскочил суетливый лысый человечек. Положил на стол настоящее меню с отпечатанными на принтере блюдами, только без указания стоимости.

– Прошу вас, – растягивая гласные, произнес человечек. – Выбирайте.

Влад ткнул в строчку с борщом, антрекотом и салатом оливье. Вскоре человечек появился, неся на подносе тарелку с супом и тарелку с салатом.

– Пожалуйста.

Судя по его тону, боевики здесь относятся к привилегированной касте.

Через некоторое время люди за столиками перестали обращать на новенького внимание. Они приглушенно переговаривались о чем-то своем. И Влада устраивало, что никто не лезет к нему знакомиться или выяснять отношения, что свойственно подобным коллективам.

Но радовался он рано. Когда он расправился со вторым и принялся за кофе, из-за стола поднялся человек с непропорционально широкими плечами, со зверским лицом. Смуглая кожа свидетельствовала о его принадлежности к горским народам.

– Я Гоша Цхинвальский, – сообщил он, подсаживаясь к Владу.

– Геннадий, – ответил тот.

– Я воевал в Цхинвали.

Влад кивнул, отпивая кофе.

– За это и кличку получил.

– Я не удостоился клички.

– Это плохо... Так вот, я воевал в Цхинвали. И в Чечне. И таким мы там выпускали кишки.

– Таким, как я?

– Как ты...

– А зачем?

– Потому что такие, как ты, не нравятся настоящим мужчинам.

– Зато нравятся женщинам, – улыбнулся Влад, решив отшутиться.

На языке крутилась прибаутка Медведя – не плюй десантнику в душу, а то выплюнешь свою челюсть. Но бодаться сейчас ни с кем нельзя. Тем более с отморозками. А парень был именно отморозок. Влад чуял их за версту. Они всегда несли с собой неприятности, шум, разлад...

Сколько же он их видел на своем веку. Тех, кто играл головами убитых детей в футбол. Кто облизывал лезвие ножа, обагренное человеческой кровью... Правда, на военной службе длительного опыта общения с ними Влад не имел. Эти ребята жили в руках у десантников недолго. Некоторые умирали красиво. Другие – как скоты. Влад отлично помнил вылазку в горную Чечню, когда они прошли через леса и вышли к лежке Механика, чья шайка ураганом прошла по Чечне, сначала вырезая русских, а потом, не в силах сдержать жажду крови, принялась и за своих. В боях против федералов они не участвовали, предпочитая рейды в Дагестан, где резали, резали, резали. Десантники переглушили их тихо и качественно. Главаря взяли в плен. Когда Медведь прострелил Механику ногу, тот ползал на коленях, обливаясь кровью, и выл: «Не убивай!» И жрал губами – зубы были выбиты прикладом автомата – сырую землю. Был приказ доставить его живым... Не получилось. Денисов просто свернул ему шею. Тогда уже десантная диверсионно-разведывательная группа Медведя была ученая – некоторые бандглаваря, которых сдавали в руки контрразведки, неожиданно оказывались на свободе... Влад прикинул, что если Гошу Цхинвальского вывести сейчас в лес и заставить жрать губами, предварительно вынув его зубы, сырую землю, он тоже будет гнусавить: «Не убивай». Или сдохнет красиво? Трудно сказать, кто как подохнет, пока не дойдет до дела...

– Женщинам? – Гоша Цхинвальский скривился. – А еще...

Влад отодвинул от себя чашку, взял нож со стола и потянулся за апельсином. Нож замелькал между пальцами, как у циркового жонглера. Потом Влад сжал рукоятку и воткнул лезвие в апельсин.

– Я думаю, ты ошибаешься, – сказал он, глядя в глаза Гоше Цхинвальскому.

Русич умел обращаться с дикими зверями. Мастер учил – бешеному волку надо смотреть в глаза. И при этом ощущать себя несокрушимой стеной, а его – ручейком, разбивающимся об эту стену.

– Еще договорим, Гена. – Гоша Цхинвальский отвел взор, уставился куда-то поверх головы только что приобретенного недруга.

– Всегда рад, Гоша... И не думай о моих кишках. Тебе самому спокойнее будет.

Послышались смешки. Видимо, братва осталась довольна. Это не был экзамен. Но к новенькому приценивались. Первый раунд остался за ним.

* * *

Люду Кош раздражало здесь все. Больше всего – жара. Осветительные лампы жарили, как гиперboloиды инженера Гарина. Раздражали мелкие и злобные твари, рассевишиеся напротив нее с вальяжным видом и думающие, будто что-то собой представляют. Наглые, лыбящиеся, напористые, как вода в водопроводе. Но с нахалами она обращаться умела. Сама была нахалкой. Недаром после ПТУ она, тогда еще Людмила Костюшкина, два года отдала труду ларечницы в азербайджанском ларьке. Знала, как обращаться с покупателями, которые истошно голосят, что их обсчитали. Правда, тут матом не пошлешь. Дипломатия. А как хотелось бы сказать вон тому, который считает себя пупом земли: «Прикрой хайло, очкарик, из него воняет». А потом поглядеть, как его очки мигом запотеют и как он начнет обтекать.

«Пресс-акулы» – так называлась передача. Задумка простая – усаживать перед полным журналог залом эстрадных звезд, раздевать их принародно и сечь, в переносном смысле, конечно. Однако зубы у этих «акул» притупились, кусались они лениво, без напора. Но все равно Люду они злили. Ее приводили в неистовство высокомерные мины, с какими задавали ей вопросы.

– Ходят самые пикантные слухи о ваших взаимоотношениях с бывшим мужем, известным композитором и продюсером Никитой Иваницким, – подал голос похожий на орангутанга, обросший с макушки до пят курчавыми волосами корреспондент какого-то полуподпольного радио. – Вы весьма нелестно отзывались о нем в своих интервью.

– Этот... – Люда прикусила язык, и с него не сорвался привычный убойный тяжелый матюг. – Как вам сказать, – овладев собой, жеманно произнесла Люда. – Этот человек изжил себя. И творчески. И морально. И...

– Физически, – булькнула одна из «акул».

– Он толстый. Разжирел, как... Ну, в общем, не следит за собой. Я не люблю толстых... И дома он тиран. Настоящий тиран. Вы не обольщайтесь его мягкими манерами. Вон, шрам на губе до сих пор остался. Это он меня. – Она придала своему лицу страдальческое выражение. Но сострадания ни у кого не заметила и, закинув ногу на ногу, обхватила руками свое округлое, аппетитное колено. Сегодня она была в мини-юбке, забравшейся куда выше допустимого, и все могли любоваться ее длинными роскошными ногами.

– Сперва вы выступали в ансамбле «Зубило-чудило», – не отставал настырный «орангутанг». – Скажите честно, почему вы расстались с ним?

– А по названию его не понятно? Чудилы они там. Кроме того, мне петь запрещали. Только под фанеру. Представляете, мне... Мне петь не давали.

– А правда, что ваша песня «Эти милые кудряшки» посвящена вице-премьеру, молодому реформатору? – осведомился тот самый наглый очкарик из «Новой эротической газеты».

– Неправда. Хотя я обожаю молодых реформаторов. Они наконец выведут эту страну из болота, в котором она очутилась из-за того, что народ у нас не умеет и не любит работать.

– Вы действительно так считаете? – подал голос молоденький ведущий – эдакий мальчик-одуванчик.

– Про народ?

– Да.

– Я много гастролировала на Западе. Я видела, как там живут люди. И как здесь. Фи. – Она презрительно передернула плечами, напрягшись, чтобы не сорвалось очередное крепкое словцо.

– А вам не стыдно, что вас называют звездой? – осведомился очередной корреспондент – деловито сосредоточенный, в черном костюме, по мнению Люды, полный псих.

– Мне – нет.

– Почему?

– Потому что я и есть звезда.

– Но мы-то знаем настоящих звезд. Настоящих певиц. И тут вы, с «кудряшками». Репертуар, мягко говоря, средний, пошловатый. Вокал – о чем тут вообще говорить.

– Господи, как таких на телевидение пускают, – презрительно кинула Людмила. – Волосы грязные. Зубы сто лет не чищены.

– А... – поперхнулся журналист.

– И одет как со свалки. Действительно, о чем тут говорить.

– Все-таки проблема с вокалом есть, – поддержал обгаженную «акулу» ведущий.

– Можете думать, что хотите, но люди считают иначе. Они слушают мои песни. Они меня любят. А вокал... Я вскоре еду в Америку, где начну брать уроки и совершенствоваться.

– А почему в Америку? – вновь подал голос обгаженный журналист.

– А чему меня могут научить здесь, в России? – произнесла она таким тоном, будто говорила не о великой стране, а о городской канализации.

– Действительно, – согласился «нечесаный» журналист. – Чему ВАС могут научить?

– Институт Гнесина вы уже переросли, – поддакнула девушка из «Криминальной газеты».

– Фи, – фыркнула Людмила и демонстративно отвернулась, считая ниже своего достоинства отвечать на подобные вопросы.

Публика нервировала ее все больше и больше. Складывалось все не совсем по задуманному плану. Столько денег ухнуло в этот рекламный трюк, и вот пожалуйста – сидит и выслушивает оскорбления.

Но тут вступил в действие «засадный полк». Микрофон схватила широкоплечая, мордатая, страшная, как смертный грех, корреспондентка самой многотиражной столичной газеты «Комсомолец Москвы». Вся в черной коже и заклепках, как только что слезшая с мотоцикла байкерша, она выглядела агрессивно напористой и походила на бульдога, собравшегося вцепиться в чью-нибудь ляжку. Но сегодня задача перед ней стояла другая, и, придав своему лицу благостное выражение, она ахнула тяжелой артиллерией:

– Я хочу вам признаться, Люда. Вы – моя любимая певица.

В зале на миг повисла тишина. В мозгах корреспондентов щелкали цифры – сколько пришлось дать денег, чтобы язык «музыковеда» и «поп-специалиста» изрек подобное.

– По рейтингам нашей газеты, – продолжала напирать «комсомолка», – вы держитесь стандартно на первых местах.

Теперь на корреспондентку «КМ» все смотрели с завистью. Все примерно представляли, сколько она гребет за свои рейтинги.

– Вы внесли в нашу эстраду новую струю, – вдохновенно врала «комсомолка». – Струю чистого воздуха. Вы – символ женского очарования.

Ей поддакнул корреспондент с музрадио. И передача начала походить на юбилей члена Политбюро – славословия и восхваления.

Все пошло нормально. Людмила немного расслабилась и легкомысленно болтала ножкой, которая приковывала взоры всех присутствующих.

Под конец вылез журналист из «Эстрадного обзора».

– А вы не могли бы что-нибудь спеть? – рубанул он. – Не испугаетесь?

– Не испугаюсь, – с вызовом ответила Люда.

– И что, живую споете?

– Ну и спою.

– Так спойте.

Она приблизила микрофон.

– «Эти милые кудряшки...» – заблеяла она.

Голос без электроники, звукоинженеров и техников звучал, как горестный крысячий писк по отдаленному хвосту. В хорошем застолье с такими вокальными данными сидят и молчат в тряпочку.

Но Людмила не замечала этого. Она вдохновенно пропела куплет, уверенная, что покорила публику – если не эту, с кислыми минами, то ту, которая с замиранием сердца смотрит ее сейчас по телевизору.

Закончилась запись поздно вечером. Завтра передачу смонтируют. Послезавтра она выйдет в эфир.

– Как прошло? – спросил шофер Василий, трогая «Вольво» от стоянки телецентра.

В дымных лучах прожекторов небеса протыкала, зарывалась в облака гигантская стрела телебашни. Она чем-то напоминала готовую к взлету фотонную ракету. В черноте останкинского пруда отражался месяц. Темнела масса Шереметевского дворца и изящной церквушки.

– А тебя колышет? – осведомилась Людмила.

Василий пожал плечами.

– Отлично прошло. Толпа животных, чтоб они все сдохли в корчах! И вопросы дурацкие. Живут за наши бабки и еще вопросы задают. Вась, они все суки!

– Ага, – кивнул шофер.

– Я бы их всех! К стеночке! И – тра-та-та-та-та!

Она томно потянулась.

На душе ее было беспокойно. Сколько сил стоил сегодняшний день. Сперва запись на студии – дело там не клеилось, голос никак не желал ложиться на пленку. Измотали ее звукооператоры вконец. Потом эти долбанные «акулята». Надо сбросить усталость.

Она потянулась к сумочке. Открыла ее. Пошарила в ней. И начала бледнеть.

– Васька!

– Чего еще? – спросил шофер.

– Ты, сволочь, сумку трогал?

– Ничего я не трогал.

– Были, были... Еще три оставались. – Она начала лихорадочно шарить в сумке. – Еще три...

Она не нашла ничего. Ей стало страшно.

– Васька, они же были!

– Кто?

– Таблетки! Ты, животное, взял?!

– Ты что, с катушек слетела? – кинул он.

– Я тебя убью. Убью. – Она вытряхнула сумочку на сиденье, начала разгребать ее содержимое руками, сбрасывая ненужное на пол.

– Ну что, нет? – спросил Василий, вырубивая на проспект Мира.

– Нет, нет! – Люда задыхалась часто.

Перспектива остаться без таблеток привела ее в ужас. Она не выдержит. Все – хорошее настроение, тонус, сама жизнь – в них.

– Были, были, были!

– Ты крепко засела на них, – сказал Василий.

– Заткнись! Я тебя убью, сволочь! Где они?! Я знаю, ты взял! Ты, урод!

– Сейчас сама поведешь машину. А я уйду.

– Животное! Животное! Какое же ты животное!

Она перевела дыхание. Надо успокоиться. И осмотреть все заново – миллиметр за миллиметром.

Она вывернула подкладку и начала ощупывать ее дрожащими пальцами. Нашла завалявшуюся сигаретку с анашой – но что такое анаша? «Елочка». Только она!

– Вот, – выдохнула Люда. – Вот они.

Она вытряхнула завалявшиеся между складок три таблетки, завернутые в целлофан. – Это они... Васенька, дорогой мой, лапочка, они.

– От твоего визга – в ушах звон.

– Они, родимые... Они. – Она заплакала. От счастья.

Развернула целлофан.

– Подождала бы хоть до дома, – недовольно пробурчал Василий.

– Молчи, животное. – Она кинула таблетку в рот и блаженно прикрыла глаза...

* * *

Прибыв на базу, Алтаец узнал, что прилетел новый боец. Последний из тех, кого обещал подослать Хорунжий.

– Офицер? – спросил Алтаец. Военная выправка новенького сразу обращала на себя внимание.

Влад кивнул.

– Значит, примете порядок как должное. – Алтаец предпочитал со всеми, кроме своих приближенных, разговаривать на «вы», за исключением тех, кого знал давно. – У нас – дисциплина. Это не шайка. Это Организация. То, что говорят старшие, под начало которых вы определены, выполнять беспрекословно. Ясно?

– Ясно...

– Присаживайтесь. – Алтаец указал на кресло, а сам по привычке устроился на жестком стуле напротив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.